

18 АЛЕКСАНДРА ФОКИНА-
ГОРДЕЕВА

Затерянные в сновидениях

Александра Фокина-Гордеева
Затерянные в сновидениях

«Издательские решения»

Фокина-Гордеева А.

Затерянные в сновидениях / А. Фокина-Гордеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514414-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Все
есть дар, трагедия — это часть опыта, мудрость понимания, что все идет
своим чередом, без нашего разбирательства что и как... Всему свое время и
место. А мудрость — это то, что дает нам возможность принимать....

ISBN 978-5-00-514414-0

© Фокина-Гордеева А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	9
Алтай	9
ПРИРОДА СОЗНАНИЯ	14
2 глава	18
Короткая личная история	18
3 глава	22
От начала и без конца, все время не вовремя	23
4 глава	29
Боби Браун	30
5 глава	40
Зависимость и судороги переключения	41
6 ГЛАВА	45
ЧУДИТЬ В ДЕСНА, ДО КРОВИ	45
7 глава	49
Глубоко в материальное, перед прыжком в новое	49
глава 8	59
Дахаб есть Дахаб	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Затерянные в сновидениях

Александра Фокина-Гордеева

Редактор Гуль Катерина

Корректор Наталья Виноградова

Фотограф Евгений Шаман

Фотограф Алексей Зозуля

Дизайнер обложки Веда Рам

Фотограф Игорь Ажикин

© Александра Фокина-Гордеева, 2020

© Евгений Шаман, фотографии, 2020

© Алексей Зозуля, фотографии, 2020

© Веда Рам, дизайн обложки, 2020

© Игорь Ажикин, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-4414-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является снами, мыслями, брызгами разных реальностей, которые, коснувшись, тают как легкий снег от теплоты гибких пальцев, растворяя веру в свою реальность... всей моей жизни и всех тех жизней, память о которых, так ярко живет, раскрываясь в видение потустороннего, иного, в котором пытаешься стоять одной ногой, стараясь не потерять равновесие, постоянно выгружая от туда сюда странные, поразительные, страшные, бесконечно прекрасные видения... проносящиеся тенями, длинными вереницами витиеватых переплетений судеб, миров – жизней. Заставляя тебя корчиться в попытках соединить то и это... там и тут... Здесь живет дух бунтаря, не помнящий всего, захваченный видением того, как его сбросили на землю, заперев в тело, неспособное на те трансформации, к которым он, дух, привык. Это заставляет двигать недвижимое и создавать невозможное, просачиваться сквозь все «не могу», дабы вернуться домой...

Эта книга для меня – черта, пройдя которую, я смогу двигаться дальше уже налегке и выпускать ее на волю – все равно, что раздеться на новогодней речи президента, сбрасывая вместе с одеждой нагие чувства, кожу, плоть, вынимая жилы и вены, оставляя лишь глубокую пустоту. Но, видимо, иначе путь к свободе для меня отрезан, потому – снимаю шляпу... и все остальное, мешающее двигаться в такт вселенской музыки.

Все персонажи, фамилии, имена в этой истории вымышленные. Любое совпадение с реальными людьми является случайностью.

Всего 32 пути на древе жизни – Эц Хвйим. Это фазы «субъективного сознания», посредством которых душа осознает космические проявления. Они соединяют: 10 сосудов, 10 сефирот, от Малкут – Царство к Кетер – Корона, 22 козыря таро. 32 пути... жизни... перед прыжком в неизвестное...

ТАНЕЦ

Я прислала тебе свое приглашение,
Записью, нанесенной на ладонь моей руки
Огнем жизни.
Не спеши отвечать: «Да, это то, чего я хочу! Давай же сделаем это!»
Просто тихо встань и танцуй со мной.
Покажи мне, как ты следуешь своим глубинным желаниям,
Погружаясь в боль все ниже и ниже.
И я покажу тебе, как я достигаю внутреннее и открываю внешнее,
Чтобы почувствовать поцелуй тайны, ее сладкие губы на мне,
каждый день.
Не говори мне о том, что ты хочешь держать весь мир в своем сердце.
Покажи мне, как ты уходишь от совершения очередной ошибки,
Не изменяя себе, когда тебе причинили боль
И когда ты боишься быть нелюбим.
Расскажи мне о том, кто ты,
И узнай, кто я по историям, которые я проживаю.
И вместе мы вспомним, что у каждого из нас всегда есть выбор.
Не говори мне о том, как прекрасно все будет... однажды.
Покажи мне, что ты можешь рисковать, оставаясь полностью спокойным,
Полностью согласным с тем, что происходит сейчас, в данный момент,
И затем в будущем, и снова, и снова...
Я слышала достаточно воинственных историй о героической дерзости.
Расскажи мне о том, как ты рассыпаешься, натыкаясь на стену —
Препятствие, которое ты не можешь преодолеть силой своей воли.
Что переносит тебя через стену на другую ее сторону,
К хрупкой красоте твоей собственной человечности?
И после того, как мы показали друг другу,
Как мы установили и сохранили
Чистые, здоровые границы, которые помогают нам
Жить рядом друг с другом,
Давай рискнем помнить о том,
Что мы никогда не прекращаем тихо любить тех,
Кого мы однажды любили пламенно и явно.
Приведи меня к тем местам на земле, что учат тебя танцевать,
Места, где ты позволяешь миру разбить твое сердце.
И я отведу тебя туда, где земля под моими ногами
И звезды над головой наполняют мое сердце снова и снова.
Покажи мне, как ты заботишься о своих делах,
Не позволяя им определять то, кем ты являешься на самом деле.
Когда дети накормлены, но голоса внутри нас и вокруг
Продолжают кричать о том, что желания души имеют большую цену.
Давайте напомним друг другу, что деньги не главная сила.
Покажи мне, как ты предлагаешь своим людям и миру

Истории и песни, которые ты хочешь, чтобы помнили твои внуки.
И я покажу тебе, как я борюсь не за то, чтобы изменить этот мир,
Но за то, чтобы любить его.
Присядь рядом со мной в длинные моменты разделенного
уединения,
Зная вместе о нашем абсолютном одиночестве,
И о нашей неотрицаемой принадлежности.
Танцуй со мной в тишине и в звуке маленьких повседневных слов.
И когда звуки всех заявлений
О наших искренних намерениях развеялись по ветру,
Танцуй со мной в бесконечной паузе перед следующим великим
вдохом
Того дыхания, что приносит нас всех в бытие,
Наполняя пустоту не из внешнего, а изнутри.
Не говори: «Да!»
Просто возьми мою руку и танцуй со мной.

Анна Борсукова-Брамлино.

Глава 1

Алтай

Еще немного, совсем чуть-чуть и можно вернуться домой! Заняться тем, что действительно интересно...

Те знания, которые нужно сейчас забыть, они вспыхнут ярким пламенем, ярким как Ты...

Они заискрятся в потоках жизней на гранях миров, сотрут все линии с наших ладоней и назовут новые. Взорвут, выжгут меня изнутри, меняя все и стирая понимание в порошок.

Все Ты... Ты всегда жил во мне, вне зависимости от того, жива я или нет. Ты ткешь во мне, наполняя вечностью не из внешнего, но изнутри, разбивая вдребезги моё понимание! Господи! Я осознаю величие Твое во всем, кем являюсь и где заканчиваюсь я и начинаемся мы! Есть только разные грани тебя! И в день, когда придёт смертный, и я полюблю его так же... Я стану иной и возможно забуду единение с Тобой! Я знаю, помню свое будущее, но забываю прошлое... Я не прошу помощи от Тебя, но лишь понимания для себя...

Алтай. Нас уже трое. Он сложил, как замысловатую мозаику все то, что необходимо для долгого пути в никуда...

Он собрал нас, зная, кто мы на самом деле, еще тогда, когда об этом не помнили мы сами. Он читает в нас, как в раскрытых книгах... Чингиз Хан, господин, глава воинов и видит неведомое проповедникам и провидцам – именем времени на устах и тяжелым бременем в мыслях. Нам разрешено звать его – Чингиз, но мы никогда не прибегаем к возможности показать его великое расположение к нам... Нас трое, и мы совершенно разные... Все думают, что мы – первые жены в его немногочисленном, но изящном гареме...

Чин – маг, он не тратит свою силу ни на нас, ни на кого-либо еще, кроме своей действительно огромной коллекции коней и книг...

Все остальное – дань времени и молве. Достаточно высок и легкий; его рост не придает движениям угловатости, какая-то природная гибкость танцора смягчает их, делая почти неведомыми. Лицо гладкое, с хорошо очерченными бровями и неровным носом, видимо, не раз сломанным в битвах. Соловые, с необычными черными точками, глаза, глядящие в душу и прожигающие в ней бездонную дыру, воистину завораживают. Все остальное уже не имеет значения... Поддаваясь его воле, и уже слепо следуя за ним, как верные, послушные псы, готовые раскрытыми объятиями встречать любую опасность...

Сорвав многие замки напускной сдержанности, приличия, своим во все проникающим, саркастическим юмором. Безапелляционно и навсегда, если не влюбляющий, то приковывающий к своей неординарной, загадочной персоне любое количество людей. Что поделаешь – тоже несущий в себе искру его взгляда, выжигающего мою душу и пленившего все, что еще не истлело. Я вижу будущее... за это я заплатила высокую цену, предоставив ему лучше знать мое прошлое...

Нас сильно настораживают вспышки, нет, проблески, быстрые и мучительные... тяжелые и липкие, подобно паутине вплетающиеся в мою истинную суть, запуская в мои волосы свои длинные пальцы – некая неприятная субстанция, заставляющая расширяться и напрягать мышцы, раздражая нервы. Впрыгнув, как кошка, в окно моей комнаты... Странно, ему достаточно было только приказать, и никто бы даже не заподозрил ничего несправедливого: ведь мы все втроем являемся его собственностью и каждая готова с радостью разделить с ним ложе. Но, увы и ах! Чингиз не готов был делиться ни с кем ни планами, ничем-либо еще.

Он пахнет силой и сталью, травами и ветром, чем-то еще незнакомым, но очень близким и родным, от чего сердце, замирая на миг, билось чаще обычного, выскакивая сквозь ребра... время, остановившись, переставало мешать минутами... часами...

Мы никогда не говорим о переходе, но оба чувствуем сжатие времени и расширение нас... пространства... – то, что обозначает нам рамки и указывает дорогу в вечное...

Принес мне в дар пару черных и гладких змей, поднял дощечку, укрывающую корзину с остальными «шипящими дарами» ... Лошади и змеи завораживают нас своей грацией и идеальностью, безупречностью, пластикой, вечностью. Стоит и смотрит на меня сверху вниз.

– Ты проснулась?

– Это похищение или побег? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Идем, Аниса, по дороге можешь уколоть меня своим острым язычком.

Я запустила гребнем, попала в стену, и прекрасная вещь разлетелась вдребезги, вызвав добрую, грустную улыбку, с сожалением как к нашкодившему ребенку, который не понимает ответственности за свои действия.

В такие моменты, мне хотелось сгореть со стыда, за свое ребячество. Обычно это приводило к совершению ещё больших глупостей. Насмотревшись на все эти детские метания, он, только ему свойственным чутьем, обнаруживал мудрость, чистоту... тогда, взявшись за эту нить, тянул, протягивал, пока не доставал из всех моих ипостасей то существо, которым, я всегда восхищалась, но никогда не верила, что могу стать таковым!

Мы вышли через узкую, закрытую от любопытных глаз умывальником, дверь. Протиснувшись в череду уютных и пыльных коридоров, коридорчиков, собирая плащами вековую паутину и сажу безбожно чадающих факелов, наконец-то, вынырнули в такую же малюсенькую, замаскированную выюном дверцу, прямо у северных ворот. Там уже била копытами пара шикарных гнедых.

Боже! Гладкие, упругие, на тонких, длинных ногах, с лебедиными шеями, пышущие скоростью и дикостью. Без седел и даже попон. «Не кованы», – подумала я.

– Чтоб не спугнуть духов озера, – ответил на мой немой вопрос Чингиз, вскочив и дав шекеля своему скакуну. Я тоже взлетела на темную, теплую спину, послушно последовала за ним, увлекаемая подхватившей скоростью лошадь.

Тонкая узда сверкала, отражая в себе полноту луны, играя яростным пламенем в глазах наших коней, передавая нам их дикость, скорость, магию ночи. Повод, приятной и тонкой змеей, лежал в руках; конский пот смешивался с моим, больно обжигал бедра, и я была вынуждена сдернуть плащ и, не замедляя скорости, быстро бросить его под себя. Выдохнув, принялась ерзать, вытирая пот и прилипшие к ногам мелкие лошадиные волоски. Кони, дико хрипя, несли карьером, не разбирая дороги, полностью веря себя человеку. Волки перестали бежать следом, смолкли ночные птицы, возможно, устали перекликаться. Я внимательно посмотрела на него: настороженный ищущий взгляд... Волосы встали дыбом; и озноб, и дрожь попеременно забегали по телу голодными зверями.

– Чупакабра, – услышала я сквозь стук копыт, лошади заржали и прибавили ходу.

– Быстрее к озеру, там страж, она не посмеет. Я всегда думала, что это сказки старой шарманки, чтобы мы не ходили далеко в леса и не заблудились, или медведи и многочисленные хищники не утащили нас как аппетитную закуску.

Чупакабра, говорили, не ест, лишь выпивает кровь. Собака с примесью летучей мыши, а на вторую половину существо совсем иных миров. Гроза детских сказок и страшилок, мифов и легенд.

Озеро – проявление красот этого края, чаша чистоты и ярких красок, источник, способный утолить жажду страждущего. Посередине маленький, мохнатый островок с тремя берегами... Легендарный острог хозяина лесов: бурого, огромного Аюб-Аю (Кающийся медведь). Говорят, что когда-то давно он нашел проход меж мирами, трещину, и попытался воспользоваться ею не в то время и не с теми людьми – за это он стал вечным стражем этих сказок. В наших краях живет легенда: «Что только один и его воины, заплатив тремя, смогут перейти на другую сторону. Туда, где не род человеческий, но другие силы правят вне времени, без болезней и смерти».

Мы перешли на рысь, после дикой гонки, это было очень мучительно, для уже ставших влитыми в бока коня, бедер.

Лес, как будто, стал еще темнее на фоне луны, подходящей к краям древних, выдавших виды деревьев – они не склонили головы ни перед Господином, ни перед Аюб-Аю, ни перед луной... Так и стоят, то ли приветствуя, то ли вопрошая пришедших, нарушивших их магическое забвение: «Кто вы? С чем пришли?» Их величественные силуэты отражались зеркалом темных вод, выделяя из круговой огранки леса массивные, впечатляющие своим ростом, длинные тени ветвей. С ними нельзя так просто – они как живые великаны призывали к порядку и тишине, к мудрости...

Мистическое, легендарное озеро, окаймленное моховым берегом, проявившееся на самом краю человеческого из мира духов и снов. Встревоженные совы бросились прочь от гулкого стука копыт, словно указывая лесу на нас как на нарушителей порядка затерянного королевства. И, вторя совам, Хозяин леса издал душераздирающий рык – не то крик, не то призыв задуматься: в своем ли мы уме, что собрались тревожить место силы, или нам все-таки убраться отсюда на все четыре стороны. Чингиз остановил коня. Аюб-Аю... был так огромен, что, стоя у пригорка, смотрел прямо в глаза человеку, сидящему верхом на рослой лошади, которая дрожала, покрываясь испариной липкого страха. Но Чин смотрел медведю прямо в глаза. И его непреклонная воля, и сила продавили Хозяина леса до понимания того, что с «этим» не совладать даже ему – мифу.

И медведь ушел, отфыркиваясь и отсмаркиваясь как человек. И мне стало немного жаль его, но в то же время гордость за спутника, друга и любимого распирала, прищипывала заносчивость.

Вдруг, снова, уже ставшие привычными за эту ночь озноб и холод, сковали меня, как лед сковывает молодые побеги бамбука...

Ушна... Ушна... ТумМи – стучит в висках неведомое имя...

БахумМи..

Я вопросительно посмотрела на Спутника.

– Что, прошлое вспоминается чаще? – сказал он, скорее оскаливаясь, чем улыбаясь.

– Не мне туда провалиться со своей сворой... – парировала я.

– Тебе не приходило в голову, что это не тот выбор... или что вообще он есть? Что можно прожить другую жизнь здесь и сейчас. У нас есть все, что необходимо для счастья и даже больше того! Для чего вся эта гонка хитросплетений, темных лестниц, забытых ходов, зарытых в самое темное мифов и тяжелых жертв? Я знаю, что ты перекрыл мое видение и не вспышки моей памяти, а выходящее из-под твоего контроля внимание пускает меня и туда, и назад, давая пищу для размышлений. Ты так самонадеянно ходил в мои сны, что не заметил присутствия меня в своих... Но тебя не интересует любовь, тебе не нужна сила и слава – ты жаждешь большего! Ты желаешь вернуться домой, желаешь стать «им»... Расскажи мне, кем «им», я желаю понимания хотя бы части происходящего со мной.

– Я мог бы казнить тебя за твои речи без объяснений причины, ты еще очень юна. Вырастай, уже пора повзрослеть и не искать разгадок земными формами... Все поймешь, но не теперь. Пока ты мой неисправный инструмент, который я попытаюсь настроить до ответственного дня. Пойдем, слезай с коня, разомни ноги.

– Ну, уж нет! Теперь мне нужны ответы на все мои вопросы.

Не успела я договорить, как подмятая не тяжелой, но довольно весомой массой провалилась во влажную, мягкую почву.

– Нет, не убью, ты права, но отрубить ненужные части в моей власти.

Я не стала разбираться, шутка это или явная угроза жизненно важным для меня органам и послушно помогла привязать коней.

– Там в овраге мой меч. Принеси его и положи в каяк.

Взяв под сосной несколько свертков, он направился к лодке.

– Послушай, Айниса, до перехода осталось четыре дня, Асима и Хайдария уже давно готовы. Тебя удалили от их общества по причине твоей страсти ко мне! Тут ничем не смогу тебе помочь! Ты должна либо прожить ее и перевести в новую, более тонкую субстанцию, или если не навсегда, то надолго застрять в звероподобном состоянии. Я тебе советую применить всю твою природную сообразительность, дабы не застрять тут и не подвести нас.

Я знала, что он прав и чуяла нутром как дрожит это человеческое, то, что он называет животным, эта дикая, почти безумная страсть к нему! Она поглотила меня с головой и...

– Аниса, не думай об этом, вообще о чем-либо, – он прижал меня к себе, подавляя все иные инстинкты, кроме дышать.

– Все будет хорошо: даже если ты застрянешь, я вернусь за тобой. Но ты будешь приходить сюда снова и снова, пока не примиришься с собой, со своими страстями. Ты много видишь, но вся эта каша лишена для тебя какого-либо смысла. Пустые, не полные картинки... Ты не можешь, не познав, принять свою природу, а пока ты не принимаешь свою природу, путь к переходу закрыт – ты застрянешь, забыв все!

Я слышала его слова, как будто из трубы, далекими раскатами грома, то приближающимися, то внезапно удаленными, больше похожими на целый хор, сонм голосов, переплетенных, неразрывно связанных.

– Все твои знания беспочвенны, они пусты, не поддержаны ни эмоциями, ни опытом. Ты и сейчас слышишь только мои слова, не понимая их смысла. Твоя задача: примирить разум и чувства. Эта, на первый взгляд, простая задача будет с тобой многие годы жизни, временами кажушаяся невыполнимой и немислимой.

Он чертил какие-то знаки маленькой тонкой палочкой, не смотря в мою сторону.

– Я действительно буду рад провести с тобой всю жизнь, нарожать детей, разводить коней, учить, врачевать, путешествовать... Но желания духа имеют притяжения гораздо сильнее наших страстей и желаний. Ты первая взвоешь, когда вспомнишь, кто ты и зачем.

Он встал и направился к лодке, погрузив все необходимое, мы отчалили в темную пустоту воды.

– Моя жизнь не принадлежит мне, как и твоя – тебе. – говорил он, направляя каяк к маленькому островку. Доплыв, в тишине, последние метры, впав в приторное послесловие, послевкусие, смакуя, весь поток его ярких образов, мы привязали лодку, ступая на прохладный пушистый мох. Чингиз вынес несколько свертков и маленький ларец. Развернув принесенное, он достал шкуру оленя и постелил на мох, сверху положил еще несколько шкур. Открыв ларец, он разобрал горсть серебряных предметов: круг, треугольник, квадрат и еще форму, которой определения я подобрать так и не смогла.

– Это Меркаба, два треугольника, один внутри другого. – ответил он на мой немой вопрос.

Чингиз, разложил все по сторонам света. Достал четыре камня, не ограненных и довольно крупных. Алмаз он положил на цветок миндаля и умастил амброй...

– Это источник Воздуха.

Достал амарант и сверху положил горсть рубинов, на него – довольно крупную бирюзу, умастил мускусом.

– Источник Огня – это кипарис и мак.

Он умастил миром и сверху поставил сапфир, совсем невзрачный, без огранки.

– Источник Воды. Очень весело, – прокомментировал он мою вспышку яростного смеха, – я посмеюсь потом, когда доеду домой и выпью горячего чая. Это твоя ревность и боль выходят, покидают твое тело, раскрывая внутреннее зрение. Перестань мечтать о том, как ты должна хотеть жить! Живи так, как мечтаешь! – сказал он, пронизывая меня острым, как ледяной ветер, взглядом, где-то внутри очень любящим, но так далеко и безнадежно запрятанным! Может, я лишь рисовала его любовь ко мне красками своего самолюбия и надежды на то, что его человеческое все-таки возьмет верх над его поисками «Отчего дома».

Безапелляционно подписывая мне приговор следовать за ним, не проявляя интереса к направлениям и целям.

– Прекрати рисовать истории и образы, основываясь на чисто человеческих нормах и возможностях, смотри в корень, в самую суть! Рисуй сердцем и любовью, твори свои мыслеформы сама, перестань гоняться за призраками и тенями. Ты обладаешь огромным потенциалом энергии. Я говорю – потенциалом, а не энергией, так как при нынешнем состоянии мыслей и эмоций ты являешься диким и неуправляемым хаосом!

Я оставлю тебя, до перехода... Асима и Хайдария придут в полночь третьего дня. Мы не сможем пройти без тебя, даже если вдруг это случится, мы очень рискуем! Без перехода весь этот опыт, весь опыт этой твоей жизни улетит в тартарары, все наши беседы и мечты канут в безвременное, обезображенное своим бессмыслием... и ты сама задохнешься в собственном бессилии. А надежда на обретение друг друга станет нереальной и отойдет к границам мира. Сейчас спи, у тебя пара часов до полуночи.

ПРИРОДА СОЗНАНИЯ

Тени задвигались быстрее и яростнее. Он спугнул их, бросив на влажную траву свой амулет...

– Он защитит тебя от самой себя, – сказал, не опуская взгляда.

Мое старание сфокусировать себя на смысле его слов разрушали образы его мыслей, а в попытке следовать за образами я застревала в своих.

Вдруг, так неожиданно и очень резко, меня сковала дикая яростная боль, без каких-либо объяснений, не имеющая причин... начала... она не крепилась не к чему... просто была, произрастая и расширяясь внутри, разрывая меня и выворачивая наизнанку... я не могла думать, дышать, не могла искать ни источник ее возникновения, ни возможности борьбы с ней.

Дикая боль... Нудная... Последовательная... Зацепляющая каждую жилу и непрерывно натягивающая ее... меня, словно тетиву.

Я в аду... и я – сам дьявол... в своем аду... нет силы терпеть... нет мочи кричать, язык стал тяжелым и глупым, он не слушается, он сам по себе. В ушах застыл звук собственного голоса, ставший гомоном, гулом... Запахи стали затхлыми, воздух – спертым... Тошнота подкатывала невыносимыми волнами...

– Не то! – спокойно и тихо прокомментировал он мои старания. – Вытесняй боль, попробуй дышать в боль... дыши... и принимай, второго шанса не будет! Ты сольешься с потоком непринужденных, ты погибла, тебя сотрут в порошок... пожрут твои же демоны. Тебя будут сжигать на кострах... пытаться... стирать память о прекрасном, ... рабством будут ломать твою волю... ты ослепнешь, перестанешь слышать... ты упадешь на самое дно... Но однажды ты прозреешь и прозришь меня сквозь время и пространство... сквозь свои страсти... тоненькая ниточка твоей любви ко мне снова притянет тебя домой... тебя другую, новую...

Я кричу ему через боль, сметая ее с себя сбрасывая с себя безвольными руками, ставшими невесомыми или столь тяжелыми, что я уже не чувствую их крепления к себе: «Зачем мне эта чистота? Зачем такая сила, полученная ценой невыносимых...» Но крик утонул в хаосе мелькающего безумия, куда я и провалилась вслед за ним.

Очнувшись, смогла контролировать лишь направление взгляда. Все тело ломило, скручивало от боли...

Достав лилию и плющ, разлив сверху жидкий критский бадьян, уложил наверх горный хрусталь.

– Земля, – тихо сказала я, но слова, застрявшие комком в горле, так и не сложились в звуковую форму.

– Я не буду рассказывать тебе о сторонах света, ты знаешь, для чего все.

Да, я все вспомнила... жрица старых культов, имена богов и богинь канули в вечность, обряды разошлись по конфессиям и сами собой прижились в разных религиях.

Кое как, поднявшись, раздевшись, легла на шкуры. Несмотря на предутреннюю прохладу, чувствовала жар. Мне было интересно, что он видит, смотря на меня, нагую во всех смыслах и переданную ему до конца...

Как всегда, прочитав меня как раскрытую книгу, он еле сдержал усмешку или не сдержал... Самый темный предрассветный час скрыл его черты... И мои мысли понеслись в другое русло.

Он растер все мое тело маслами и травами, и, несмотря на близость дыхания, мягкость его рук, все было очень по-отцовски заботливо. Это немного укололо в самое сердце самолюбия.

– Научись не давить из себя чувства, а рождать их, всем сердцем любя и принимая свою пустоту и одиночество. Только раскрывшись безмолвию и своему предназначению, ты смо-

жешь понять, принять и полюбить меня, через образ Единого, Вечного. А на меньшее я уже не согласен, и ты тоже! Зная тебя лучше и дольше, чем ты самое себя, скажу – ты, рожденная стать моей силой, пока являешься проявлением моей слабости, не явным, но резким.

Я не слышала его слов, я видела их образы, тени, звуки, весь этот хоровод освобождал меня от чего-то липкого, мрачного и очень мутного, как будто замазанного сажей, стеклянной паутиной.

Я несколько раз потеряла глаза, было ощущение, что от жуткого жжения они выкатятся из орбит прямо на мох. От этой мысли стало весело и грустно, представив, как это произойдет во всех красках моего воображения. Я хихикнула... потом еще и, наконец, все это вырвалось в абсолютно неконтролируемый, безудержный смех, он был очень веселым и заразительным, вовсе не истерическим. Чин долго и пристально смотрел на меня, так и не решился присоединиться к веселью.

Ты всегда творил во мне! Всегда учил, любя и прощая! Я не желаю прощения! Но осознания, слияния, расширения... Я вижу тебя, чувствую тот день, что коснется меня твоим крылом...

Тебя нет... значит, меня нет... значит, ничего нет. И, разбив вдребезги мое понимание, и разорвав внешние... ты забрал мое безумие, я обрела твое спокойствие, Ты видишь, миры перевернулись. Ты выпил все темное, ведя меня играючи между сосудами сефирот.

Я почти сгорела в твоих огненных сферах и чувствую себя голой без моей тьмы.

И только вечность будет помнить тот миг, когда ты спас меня, ворвавшись в мой мир. Голоса в моей голове стали безмолвными. Силы слились с твоими, оголив мое внутреннее. Золото заменили серебром. Мы стали поклоняться разным богам: ты – Солнцу, я – Луне.

Все прошло... но боль сменила печаль, терпкая и невыносимая по своей глобальной силе, полностью подчинившей меня и придавившей к полу. В собственном бессилии я почти завывала, но голос снова застрял посередине звука и больше не пропускал никаких импульсов. Потеря тебя... и того... другого, возможно тебя же, не знакомого, но более близкого и дорогого... не прошедшего сквозь меня, оставив порванные зияющие раны... за него я отдала все.

За его жизнь – свою... это все, что уже случилось в параллельных... невозможно... изменить... измерить... боль...

Отец! Пусть она раздавит меня, стерев память о будущем... я не смогу жить, если стану помнить весь этот ад, который уготован мне... неужели все написано? Предрешено?

Нет сил, не желаний... только вселенская грусть... когда-нибудь я проживу ее глубину... но не теперь. Я открываю глаза, по телу пробежалось приятное тепло, как будто сердце разорвалось и разлилось во мне, более не нуждаясь в венах и жилах, расправляясь, просачиваясь сквозь кожу и поры в бездонную высь великого «Нечто»...

Звезды так близко, что мое дыхание колышет их, они мерцают, создавая тихое движение в своем небесном шатре и неся за собой мой невесомый островок, уводя от утреннего тумана, привнесшего свои холодные тона в эту идеальную картину.

Вдоль берега бродит страж. То ли медведь с памятью о человеческом образе, то ли человек в шкуре медведя (одно другому, видимо, не мешало). Обходя дозором свои владения, ставшие ему бесконечным напоминанием собственной глупости.

Раксана – новое имя принесло много ответов, не забыв завалить еще большим количеством вопросов, правда, тяга к знаниям, похоже, оставила меня вне своего присутствия.

– Я не ожидал, ты превзошла саму себя, только твое имя пишется через «о» – «светом озаряющая». Я принес тебе вина, сыра и горячих трав. Встань, разомни затекшие конечности, это еще не все, что необходимо для перехода. Ты – ключи, которые отворят и затворят наши двери.

Он набросил на меня свой плащ. Пока я ела, он натирал мне ноги горячей, жирной и сильно пахнущей субстанцией; тело немое и непослушное, снова обретало гибкость и чувствительность.

С дикой силой захлестнула страсть, поднимающаяся все выше и выше от ступней к лодыжкам, по бедрам к позвоночнику... до самого сердца и выше, застряв огнем в горле... Чингиз отдернул руки, и я поняла, что это не я борюсь со своими демонами, а он пытается обуздать своих. Секунда промедления – и я бы уже не смогла воспользоваться этой теряющей контроль и ясность мгновенной слабостью. Я сбросила плащ и прильнула к нему всем телом, желая вдавиться порами, проникнуть в самую глубину его сознания, вытесняя его страсть к Создателю... Борьба за любовь с Богом – это уже заранее проигранное сражение, которое, испытывая нас, ставит на кон все... и сбрасывает тебя в пропасть забвения. Прилипая к его губам, все чувства, захватывавшие нас многими жизнями, проступали нашим дыханием, прикосновениями... Я видела нас в разных странах, разными лицами, удивительными историям многих воплощений, протекавших вместе и врозь, объятых ненавистью за эту страсть, любовь, неутолимую ничем: ни совместным счастьем единения и обладания друг другом, ни непреодолимым расстоянием...

Наша страсть к высшему проявлению мощи человеческого духа была больше нас самих, больше всего на свете. Ничто не могло нас усмирить и насытить... Самое страшное – мы знали туда дорогу, но билет оплачивало только одно чистое сердце, не принадлежащее никому и вмещающие все...

Он оттолкнул меня с такой силой, что кубарем скатившись в воду и потеряла сознание. Но видения уносили в междумирие. Мы были точкой в центре окружности, разливаясь до его пределов, распространяя себя по кругу и расширяясь до бесконечности. Вновь, сжимаясь, вращаясь против часовой, спиралью и разбрасывая себя множеством точек, возвратившись в линию, втягивающую свою середину, образуя треугольник, выплевывая угол, становясь квадратом, продолжая набухать и выдавливая углы, превращаясь в куб.

Раздаваясь, как шар, меняя формы, разливаясь в объемную пентаграмму, рождая последний угол и становясь Меркабой. Золотой и серебряный треугольники, входя друг в друга, смешивали краски, переплетая цвета... и мы уже вращаемся в Меркабе, сливаясь в нечто не имеющее ни формы, ни цвета... Все это в хоре звуков, имен.

Брия (последовательность имен, состоящая из комбинаций, возникающих в Ацелут): Алеф... Бет... Гемел, Адам, Адаам... Хева, Ева... Завершалось это хороводом чисел, имеющих тени-образы: 1234597618... 72, 72, 72, 216 Йод Хе Вав Хе... И с четырех сторон несутся на нас невиданные животные в ореоле силы и славы: С Востока – Дракон; и мы вторим имени, принесенному ветром – Рафаил; и желто-лиловым вспыхивает пространство...

С Юга в пламени приходит Лев. И Михаил – имя ему. Зелено-красной волной, горячей и нежной окутывает нас...

С Запада прилетает Орел в сине-оранжевом ореоле своей славы – Гавриил.

И с Севера земля несет Быка, в оранжево-оливковом свете являя Уриила и сменяя цвета на коричневый и черный...

Они проходят сквозь нас, насквозь, расчлняя на молекулы и атомы все наше существо...

Он есть Нешама (источник, разум и знание – высшие я), Хокма, Бина и Кетер его углы... Я есть Руах (сила воли, дух, стимул к действию), шесть сефирот, от милосердия к сердцу... Наши Анима и Анимус стерты пятью ликами Адама, Кадмона и мы прорастаем в Каввану (слияние человеческой воли с Божественной).

Нас разделяет человеческим воплем пронзенного копьем стража... несколько десятков воинов... разрушенное сознание не дает четкой картины восприятия... Мы просто наблюдаем за происходящим в замедленном действии. Хайдария и Асадия возглавляют это безумие... Они несутся вокруг озера, дикими гарпиями впиваясь в нас огненными глазами – бездонными

колодцами ярости, призывая всех спешиться. Дикие валькирии, на ходу скинув одежду, спрыгивают в воду прямо с лошадей. Обезумевшие животные, не останавливаясь, уносятся в лес. Жертва принесена. Хозяин падает замертво. Луну закрывает темнота... В лесу слышится гул сражения, и запах пролитой крови доносится до нас.

Чингиз лишь медленно поднимается, показывая воинам свое присутствие. Ярким серебром острый меч рубит пространство надвое. Отрубая дорогу в прошлое или будущее... Его сила заполняет все и замыкается в кругу воинов, принимающих и разделяющих ее.

Я точно знаю, что делать, чтобы открыть проход: раздираю кинжалом свои запястья и поднимаю вверх руки. Он подхватывает меня и, вскидывая над головой, как знамя перехода, уходит в трещину меж двух миров, омывая пороги кровью... Я сжимаю пространство единым махом... и все, кто должен, мчат, не разбирая дороги за своим господином.

Последняя капля сознания вместе с кровью покидает бледное, безжизненное тело посреди остывшего за эту бесконечную ночь озера-зеркала...

Зеркало души не может одновременно отражать и земное, и небесное, ибо одно исчезает с его поверхности, когда другое вырисовывается над его глубиной...

Элохим... Элохим... Элохим...

2 глава

Короткая личная история

Не знаю, причуды ли это возраста или духовных поисков, меня всегда кидало, вбрасывало в самое сердце всяких замысловатых и не очень ситуаций, сцен, людей... хотя если посмотреть прямо и немного в глубь, то больше интереса вызывало дикое и неразделенной ни с кем одиночество. Слава Шиве Синешеему, Дальний Восток ближе к границе Китая не был заселен двуногими, настолько плотно, как в каменных джунглях.

Мы жили на самом конце деревни, ближе к мертвым, чем к живым, ибо кладбище рядом, а соседние дома по далее будет. Зато берег моря как на ладони и тишина, огромные деревья, зелень, просторы и сопки. Я представляла себя друидом, искала омелу, читала заклинания, охотилась с самодельной пикой на камбалу, добывала гребешки, спизулы, сфифты, ну и конечно обжиралась морскими ежами. Ежей я не считала, это самое лакомство водилось в изобилии. А если доставала где-либо старую сковороду и немного масла, то и грибы с удовольствием поедала. В общем, я сама себя и кормила и развлекала! В семье много детей, и своих и чужих, постоянная тусовка, без ясности кто сколько тут живет и когда далее помчит в своем направлении. Взрослых как-то наш «карликовый мир» интересовал постольку: кормить, одевать, отправлять... Честно говоря, думаю, что такое воспитание свободой, – это дар, это то, что дало моему уму и внутренней идеологии, тому стержню, что есть от рождения сильную опору на себя и своё естество, природную зрелость и природную дикость, глубокую ясность. Подарило крылья и веру в полет. Да, ведь высота и крылья это меня завораживало, это ткало пространство вокруг меня, самыми смелыми фантазиями снами... тогда, да и теперь ничего не поменялось и сон, и явь одна сменяющая другую реальность всегда шли рука об руку, не задевая друг друга и не вставляя палки в колеса. Мир людей казался далеким маяком к которому моему фантастическому кораблю совсем не желалось, как говорить, и на пушечный выстрел...

Но видимо каждый познает себя через то, что ему уготовлено. Это как коды само-распознавания, я не претендую на чистоту и разнообразие интересов, хотя в глубине души мечтаю познавать мир через другие выходы и входы. Без надежды на подачки с выше и желаний легкости, но по возможности, с глубоким желанием мудрого понимания происходящего.

На первом месте были танцы, танец, музыка она жила во мне я в ней, мы были единым целым, чем и являемся до сих пор. Мы необъяснимо и безраздельно владели друг другом: танец-мною и я этой легкостью всего того, что приходило во мне через пластичность движения. Я думала музыкой тела и пластикой слов, сладкий плен звуков не отпускал с утра и до утра. Танец был составляющим моего восприятия мира, призмой или моим подзорным взглядом на все. Еще, мною, всепоглощающе и безраздельно, владели лошади. В школе, еще в Химках, моя куртка, пропахшая конюшней как драгоценным миром, висела одиноко и гордо далеко от одежды моих сверстников, обнажая мою целостность со всем вне мира людей. А когда наконец-то, заканчивалась эта пытка знаниями, я летела на конюшню на Планерную и большую часть времени проводила с друзьями (не людьми, естественно).

Школы... Школа, вытрясла всю мою природу... «Наши школы, как колдовские кухни, в которых рассудок развивают до тех пор, пока сердце не умрет». Так сказал Белый Доминеканец, глядя на меня «буквицами» книг. Видимо только дикостью и отстраненностью могла я парировать школьным плетям паттернов; препарировать в себе ненужные знания, скользкими червями проникающие в мое еще «слабое» сознание.

Мне очень повезло! Частые переезды родителей позволяли сочинять необыкновенные истории в новых школах, и я постоянно меняла образы, и личную историю. Потому, когда мы переехали из Москвы в Андреевку (военную деревушку на берегу Японского моря), я не могла стереть улыбку со своего лица! Это было то, что нужно! Ничего более прекрасного не могли подарить нам родители! Там тоже были лошади, везде... поймал, смог сесть – полетел стрелой куда понесло, только держись! Кони как раз были совокупностью всего того, чем могло восхищаться пытливое, упертое в свою природу существо. Их дикая, страстная и ненасытная красота, пропитанная запахом свободы, танца, неутолимого никакими... голода скорости... откровенного неповиновения, прикрытого пугливостью... Я не могла оторваться от них, не могла насытиться жаркими, горячими ночными погонями за призраками прошлого, затерянными в сопках Дальнего Востока.

Кражи, угоны вороных и гнедых, свист и трепет на виражах... крики моряков на подходах, не доглядевших за очередным скакуном... В десяти километровом пространстве, не принадлежащем странам и сохранявшее хрупкий неприступный барьер между ними были миры внутри миров. Как мы выжили там до сих пор мне не ясно: много насекомых, ядовитых змей, медведей, тигров, и все это как-то не задело, хотя все время мы видели то змей, живших у нас на венике (100 шаговый щитомордник, так называется не спроста), а медузы крестовики... Но видимо некое поле путей несло нас, сломя головы сквозь колючие кусты, змей, акул, касаток, пауков... И мы с наслаждением и благодарностью принимали эту красоту. Эти места дикие и безлюдные, наполненные своей яркой жизнью, дикий природный мир, порезанный в своей целостности лентами людских дорог. Я убежала в леса и сопки, проводя время с собой и всем тем, что простиралось вокруг. Памятью из неизвестного совершая разные обряды и напевая, непонятные тогда имена, на незнакомых языках, шепотом колючих, иноземных звуков.

Тени и духи других измерений окружали меня, насыщали и питали, были моими единственными друзьями, заглядывая из своего иного в мое... Наши миры, не разделенные ничем, даже страхом присущем каждому, при взгляде в потустороннее... О страсти к волшебству, шаманству и магии, а еще к загадкам, запретам и кладбищами, заброшенным фермам, домам вообще и говорить не стоит, кто в детстве не пускал слюни от вселенских тайн и мифических созданий. Для меня были живы все пантеоны древних Богов и Богинь, культов... Кто не хотел приобщиться к потустороннему, если в руки попала магия друидов и многие старые эзотерические книжечки из коллекции твоей бабушки, еще в то время почитывающий Агниюгу... О Кастанеде пока и речи для меня не шло.

Бабушка Алла рассказывала, нехотя и только когда я ее доставала, о Рерихах, Бловатской или Антаровой. О загадочных вещах, столо-вращательстве и чревоуещании. Я сама додумывала и дорисовывала, разные истории и рассказывала сверстникам.

Но каждый притянут своим: я была поглощена мистицизмом и миром духов. «Друзья» и одноклассники занимались совсем другим, и мы не пересекались. Да и каким образом можно пересекаться в бесконечном потоке школ и лицеев, которым не подходила я, мы работали в разных диапазонах. Школы проносились сквозь меня не оставляя следов своего присутствия, меняя лица одноклассников и учителей, со стремительностью скорого поезда.

Влекла меня высота, любимым местом были скалы, небольшие уступы, на которых можно было лежать еле уместившись и свесив ноги в пропасть... чем выше – тем лучше. Город заметит их большими подоконниками, леса – огнями, шорохи ночных животных – долгими протяжными гудками и рваными разговорами, моторами, гомоном, гулом... Но до этого ещё... не скоро, можно расслабиться и дышать своим... Если бы мама видела, знала с какими скоростями я лазила и на какие каменные карнизы, торчащие как пасти драконов, вырезаясь массивными зубищами прямо и величественно, сквозь синюю бездну, из дома бы я не вышла никогда.

Наш первый, маленький деревянный домик стоял в центре деревни, под невысокой сопкой, на которой располагалась сельская школа. Пока мы еще не переехали на отшиб, к клад-

бищу на красивый утес у моря. Отец работал в школе, учителем по географии и еще подрабатывал резчиком по дереву, а также, занимался всем тем, чем незатейливые местные жители, увлекались в свободное время – рыбачили. Деревенские делились на две оппозиционные группы, редко пересекающие друг друга интересами. Ученые, работники разных сообществ по изучению подводного мира, надводной фауны и флоры, и военные пьющие, особенно зимами. Все прекрасное они могли описать трехэтажным матом. Все ученые жили ближе к Витязу – военная секретная база, содержащая дельфинов, и других млекопитающих. В сладкие часы летних деньков не редко нас сгоняли с пляжей сиренами, в знак того, что пара или один сивуч удрали из вольера и пошли развлекаться с туристами. Мы ломались забраться повыше на скалы или деревья и с интересом следили за отловом.

Еще там было место силы и ярких отлетов в иное: мое дерево липы на самом высоком участке полуострова, бесконечно удобное ветвями, росшими там, где нужно и в таком количестве, что по нему можно было бежать как ниндзя. Там я обитала, наблюдая с высокока за нерестом сельди или за касатками, заплывавшими в бухту. Непонятно как, но касаток было проще увидеть, чем дельфинов и белух, даже сальдовых акул.

Я помню, нам привезли дохлого катрана. Моряки и отец решили сделать уникальные кадры меня на акуле. Посадили на нее, а она как дернется! И так резко и мощно, что я, получила психо-травму на всю жизнь. В воду в течении нескольких месяцев заходила только с родителями, и то по пояс. И даже в бассейне и ванной, не могла находиться одна. Это было необычайно сложной проблемой так, как я жила в воде... До сих пор, это большая пугающая меня печать детства и уже если честно, не знаю, чем себе помочь в этом случае. Пыталась разбавить акулотерапией, ныряя с белыми акулами в ЮАР и с рифовыми в Таиланде, забегая в будущее скажу я, но – увы. Только железная воля заставляла и заставляет забить на чувство страха и паники над водой, когда невидно, что там внутри, а под водой я одна из них – морских обитателей и посему страха нет.

Еще очень меня интересовали книги. Любые, чем больше, тем лучше. Всегда мечтала о доме с необъятной библиотекой на берегу моря или океана, не очень теплого, но глубокого... темного... И обязательно со стеклянными, огромными, можно даже 5 метровыми окнами полукругом... В огромном зале пианино, гитара, может барабанная установка, чем черт не шутит, тем более морской. Играть музыку вод, пропуская сквозь себя силу волн, ветра. Не знаю пока где же это место моего волшебного замка, хижины, маяка, да пусть это будет маяк! Старый заброшенный маяк, который я отреставрирую, сделаю конюшню, заведу пару Ахалтекинцев... Вижу его ясно, зная, что когда-нибудь поселюсь в доме на маяке... но играю пока только на барабанах и немного на гитаре... Думаю, что именно таким должен быть дом, волшебника... волшебницы, с непогодой и частыми грозами, с глубокой синей водой, с кучей парусов и досок... лихими конями и неразговорчивым хмурым сторожем. Место, куда можно окунуться, и нет необходимости выходить во внешнее... только по желанию, не надавливая на «вынос» себя наружу, без крайней надобности... само-зацикленность в любви к одиночеству, самонаслаждение (я тогда и не догадывалась, что целостность такого рода достигается каленым железом опыта).

Я потом наткнулась, на замечательную книгу Дион Форчун (одной из посвященных Золотой Зари, куда входили такие существа, как Алистер Кроули и Анни Безант), это произведение – «Жрица Моря» – оставили во мне сильный след. Для меня маг или волшебник – это человек понимающий, знающий законы сущего, имеющей возможность ими манипулировать, направлять, но только на первых порах, а затем приходит такое доверительное, обоюдно-насыщающее и наслаждающее взаимно, взаимодействие, где ты являешься продолжением стихий, прорастающих сквозь тебя без желания управлять ими, без желаний... вне человеческого... я вижу это так. Так же, волшебник – это существо, в совершенстве управляющее волей и своим телом, вниманием. По сути это единственное, чем человек способен управлять... в постоян-

ных поисках меняющейся истины, ускользающей в тонкие щели, меж длинными пальцами – ветвями – корнями -междумирием. Существо с быстрым, пытливым умом, гибким пониманием, видением, чувствованием мира. С настораживающим его самого перевесом любопытства над осторожностью или страхом. Человек слившийся во едино со всеми стихиями, вросший в них, поглощенный ими с головой, теми знаниями, за которыми он летит сквозь все остальное, не забывая насыщать свои глаза Миром. Стихии всегда шли со мной рука об руку, пока мы не потеряли друг друга из вида в пыльных и ярких городах. Неся память друг о друге, как бесценный дар новой жизни... далеко в будущем... Мой год как десять, для многих, он перенасыщен событиями, стремительно летящими мимо знакомыми спутниками, местами... оставляя светлую память от теплоты узнавания своих, своего... отражения...

3 глава

От начала и без конца, все время не вовремя

Большие города... зовут нас своими яркими огнями, обещая все и сразу, но ничего конкретно, а люди едут, едут в столицы, забываясь в них битком набитым... в маленькие квартирki, комнатки... выглядывая в другие, более светлые и большие глаза-окна, – пустые зеркала... слишком толстые и непробиваемые чтобы оправдать природу своей хрупкости, прозрачности. Меня не ждали здесь, как и многих других... но я и не стремилась в Москву, в место своего рождения, которое забросило меня и всю семью, волей случая, на Дальний Восток, даря возможность прорасти в естественных, природных условиях. Видимо, когда вселенная посчитала, что пора платить по счетам, струна натянулась и неотвратимой, магнитной тягой притащила нас в Москву. Всегда интересно путешествовать, перелетать перелетными птицами, колесить по миру, обследовать новые территории.

Мы вернулись в Химки, на 12 этаж в одну из квартир с соседями и лифтами. Сначала было все ново, интересно, мило. Но воздуха не хватало, пространства, свободных лесов и естественно моря! Без воды нет жизни... для меня уж точно! Ничто так не опустошает и в то же время не наполняет собой, как вода... глубина... одиночество... Все, что я могла сделать, это кое-как учиться, выжимать всю себя в балетной школе и найти лошадей... Конкурсы, соревнования, джаз-модерн, выступления и постоянные поездки по разным городам с группой. Это заполнило собой пустоту вне океана и направило мою дикость и любовь к свободе в более-менее спокойное русло, вне саморазрушения.

Я переехала от родителей, как только стукнуло мне 14, к Бабушке в Одинцово, а закончив школу, сразу поступила в спортивное училище. Окончив его – в институт психологии. Кое-как доковыляв до даже не помню какого возраста, сняла квартиру в центре, это было удобнее, во всяком случае свободней, относительно постоянных выступлений и концертов. Конный спорт забросила, оставив возможность для себя заниматься выездкой раз в неделю. Работала много, выступала, снималась в клипах, фильмах, рекламе, творчество всегда прорывалось наружу, открывая интересные возможности и знакомя с красивыми людьми. Я неслась галопом сквозь время, не останавливаясь, чтобы отдышаться или хотя бы рассмотреть вблизи, что происходит-то на самом деле... Неумение ждать, обдумывать, всегда заставляло проходить сквозь бетонные стены, круша и ломая все и всех, и естественно, отбивая голову и все выпирающие части, попавших под быстрое восприятие мира.

Ошибаться порой очень интересно, это выводит тебя на новые витки судьбы, умиляя хитросплетениями. Ошиблась номером, попала «не туда» или прямо куда надо... говорили час, потом еще, созванивались по несколько раз в день... Дима фотограф, философ, интересный человек, мы говорили и говорили по телефону, боясь встречи как огня, целый год. Он помог моему пытливному уму и неугомонному желанию познавать все и вся, обрушившись на меня кладезем вселенских знаний. Мы договорились встретиться в самолете в Египет. Так началась для меня новая эпопея путешествий по миру. Дима учил меня магии фотографий, он наотрез отказывался от всех новых технологий, снимая только на пленку и проявляя снимки сам. Гениальный фотограф, гениальный человек, лучший друг! Он заполнил мою голову классикой кино и гениальными музыкантами. У него был отменный вкус и слух, так что попса прошла мимо меня, не оставляя следов. Дед Кен Денс, Лиза Джеральд, Наутилус, Машина времени, Б. Г. Ес и Кинг Кримсон... положили новое начало в творчестве, выступления приняли теперь характер концертов. Я ставила сама танцы и подбирала музыку всей группе, так превратилась в хореографа. С Димкой проколесили весь Египет и многие другие страны, города, выискивая сюжеты для интересных снимков. Сняли несколько фильмов, так похожих на нашу любимую Бараку. Он ознакомил меня с творчеством гениальных режиссеров, так же с балетом и лучшими операми, которыми забивались все полки, в маленькой квартире на Ленинском. Он

был мне старшим братом, всезнающим, добрым соратником, выдумок, розыгрышей и забав, отражая тонким юмором мой еще только формировавшийся сарказм. Димкина чистота рыцарства, никогда не переходила поставленных нами с самого начала прозрачных границ, абсолютной невозможности иных отношений. Поэтому я чувствовала себя свободно и легко, могла быть собой, не попадая в капкан чувств. Сколько лет прошло уж, но мы, все еще может без «привет, как дела» позвонить или припереться, завалиться в гости на пару дней. Умение дружить с мальчишками, это, наверное, больше не приятие себя как девочки, это штаны, кепки, длинные футболки на несколько кофт, это отсутствие косметики и каблуков, это когда честно все, и всегда можешь обсудить не прикрываясь масками... это когда с полувзгляда и без театра.

Когда подруга позвонила, у меня замерло сердце, я учуяла странный запах проявленного сна. Знаю я, знаю этот запах, это не в первые меня обдало иным измерением, и пахло так что о-го-го! Знать бы где проспать и не прийти не туда. Меня бросило в холод, потом в жар, я покрывалась испариной, сердце колотилось на все лады, как дробильная машина, сбивая в барабанную дробь обычные ритмы, разбивая себя «на вдребезги». Но любопытство было сильнее всего остального. Встреча... проклятая встреча, с тем от чего, от кого долго не имела ни малейшей возможности оттолкнуться, чтобы всплыть... послать себя к чертовой матери и найти себя же в этом раздолбанном на прочь корыте, несущего сквозь чащобу иного, неизведанного. Она сказала, что познакомилась с классными ребятами и прокаталась с ними на перегонки всю ночь, что я должна их увидеть. Наташа прекрасный водитель с очень мальчишеской, даже нагло-валяжной манерой вождения, можно сказать прирожденный гонщик, с отличным знанием Москвы и всех объездных дорог. Мы дружим с незапамятных времен, она друг, о таком можно мечтать. Тот, который, если не прилетит, то приползет и решит все вопросы и задачи, разрулит любые, не рулевые проблемы. Я всегда завидовала этому ее прекрасному качеству, у меня не было такой привязанности к людям: ушел – ну и прямой дороги! Вернулся – а кто ты? Откуда? Как зовут? А мы знакомы? Ну как-то так. Потому и ловила себя на абсолютно неоднозначном поведении в ее сторону, но она не особо обижалась, потому каждый раз я испытывала невероятное чувство благодарности за попускание к деталям моего характера.

Мне было совсем немного «цать» и все и вся если не должны, то абсолютно обязаны, воздавать мне все свое внимание, а еще падать ниц и укладываешься штабелями, причем стремительно и сразу, пока на смертельной скорости, явно не вписываясь в поворот, пролетаю мимо. Таскалась за ней по всюду, или она таскала меня... Наташа научила меня разбираться в косметике, водить машину, так как я была самоучкой, объяснила, что есть правила дорожного движения, вызвав невероятное удивление и интерес. Помогла понять, и неплохо разбираться в марках духов, одежды и прочего, чего еще там есть в этом «непонятном мире». Научила одеваться, носить каблуки и юбки, платья, что-либо не а-ля хиппи. Не прятать глаза в пол, при виде мальчиков и не прогонять поклонников мечами и петардами, «не ковырять в носу на людях».

Только вернулась из Шри-Ланки, в полном восторге и заряженности океаном, джунглями и яркими красками новых измерений и пространств... С тяжелым сердцем приняла ее приглашение заехать к Маше, которую я честно говоря не так хорошо знала, и менее всего понимала, что с ней у нее, тем паче, делать. Но Наташа была непоколебима в своем пункте назначения. Мы подъехали к седьмому континенту, в Крылацком и ждали ребят. Вскоре приехала черная, тонированная Ауди А-6, оттуда вышел высокий парень-мальчишка. Я и уткнулась в пространство перед собой даже не обернувшись на подошедшего, но подсмотрела искоса и зло.

– Поехали за нами. – сказала Наташа нагнувшись к окну парню.

– Это Леша, это Саша. – сказала Наташа, я отдавала почести угу, глубже уйдя в панель приборов, но сердце чуть не выпрыгнуло прямо на капот.

– Не все же время тебе общаться со старперами! – сказала она про моих «мальчишек», с которыми её знакомила я.

– Они не старперы, а сформировавшиеся личности и им всего не так много – за тридцать пять! И с ними есть, о чем поговорить, в отличие от твоих малолеток и маменькиных сынков. – полушутя парировала я ее нападки в сторону Димы. Мы тронулись и покатали...

– Это же дети! Наташа, как ты можешь, ну да ладно, буду читать в слух вам стихи Ахматовой или Маяковского...

Наташа захлебнулась заразительным смехом. Мы курили на кухне, я старалась не смотреть в тревожную для меня часть комнаты. Пили чай и смотрели мои фотки из Шри-Ланки, коих было тьма тьмушая. Причем в хорошем качестве, большие и яркие, снятые творческой, интересной личностью «за 35». Потом мы разъехались, у каждого были свои дела пару-тройку дней.

Через время мы встретились у Лешы в Крылатском. Он оказался неординарным и необычным персонажем. Я еще подумала, что он военный, и похоже офицер, темная лошадка. Так как общаться приходилось с вояками часто, чую их за версту. В нем была некая грустная тайна, которую мне так и не удалось раскрыть. Его друг был смазливый не запоминающимся существом, как дополнительный человек в пространстве, хотя, наверное, был хорош собой. Так возможно устроена красота, ее не видишь фактически, ту, физическую, разве только мельком или любуясь не задеваясь ей, но когда понимаешь, что более ничего нет, то эта красавица или красавец растворяется в пространстве.

Ребята сидели на креслах, я на диване, все смотрели в пол, пытаюсь там найти тему для разговора. Я держала в руках огромное красное сердце, устав смотреть в пол, стала нагло разглядывать их в упор. Только теперь понимаю весь эзотерический смысл того предмета в руках судьбы, как будто, оно осталось там, с ним. Когда я проходя мимо Лешы на кухню, небрежно положила «свое сердце» на его колени. Наташа с Машей были чем-то заняты, звонили и без конца решали дела. Мы, отбросив наконец то стеснение, умничали, смеялись философствовали, оголяя грани юмора и дружеских подколов, прощупывая друг друга длинными щупальцами разных восприятий.

Затем несколько дней, времени не было, и мы разлетелись словно птицы по делам. Каждый в свое место гнездования. Но, договорившись в четверг, собраться в Пирамиде. Время пролетело, как всегда мимо. Встретились мы уже вечером и каждый принес для другого хорошее настроение и каплю искренности. Пили чай, кофе, рассказывая истории из жизни, чувствуя себя намного свободней, чем раньше. В таком хорошем настроении, что захотелось сигару. Я люблю курить хороший табак, самокрутки, трубки, кальяны, сигары, только не сигареты – это совсем не вкусно, да и не удобно, тяжело. Мальчишки переглянулись и восхищенно уставились на меня, ожидая возможности уколоть за то, что я выделывала. Леша потом меня дразнил: «Принесите-ка мне сигарку...» – говорила белозубая бестия!

Уже за полночь мы с неохотой оторвались от теплоты общения, в этом напыщенном, холодными расчетливыми наслоениями месте. Собрались по домам. Запрыгнув в машину и растянувшись на сидении, ждала подругу, пока она о чем-то говорила с Лешей. Видела тень обиды на ее лице и только теперь понимаю, что Леша не мог не влюбиться в себя кого угодно и скорее всего, так и не сознавшаяся мне в этом никогда Наташа, тоже подпала под его чары.

Он подошел к моей двери:

– Позволь я отвезу тебя домой? – подал мне руку, и я уже ничего не слыша и не видя. Как бандер-лог за Ка пошла, не разбирая ни дороги, ни местности. Мы катались по городу всю ночь, говорили обо всем: вселенной, других мирах, измерениях и как-то осторожно и невзначай подъехали к его дому.

– Я живу не здесь, если ты не заметил, во всяком случае пока. – сказала я лукаво улыбаясь.

– Ну тогда я, пока предлагаю тебе подняться и посмотреть, как тут живу я. – так же лукаво улыбаясь своей белозубой улыбкой сказал он.

Квартира маленькая, но просторная с крохотной кухонькой и небольшим количеством мебели, оказалась обиталищем его сестры. Мы продолжали пить чай, пока голодный желудок не выразил протест. Тогда мы поставили музыку в маленький кассетный магнитофончик и стали слушать сборник музыки, составленный им самим. Он оказался космическим треком, унесшим нас в великое ничто.

На улице уже светало и рассветный час впитывал всю прелесть таинственности, от наших романтических настроений. Уже отрастали длинные тени и пробирались к нам предательски теплыми пальцами. Паузы стали длиннее, фразы короче, движения гибче, наполнились ленивой мягкостью. Взгляды реже попадали в друг друга, застревая в чужих глазах, на неприлично долгое время и накаляя паузы между предложениями до красных пятен на щеках... Он потянулся... и поцеловал меня, больше из любопытства, чем из желания, затем отстранился и посмотрел наклонив голову на бок. Наверное, это была моя возможность удрать, и я пыталась изо всех сил встать и удрать! Наверно мое замешательство было замечено, и он сказал:

– Иди сюда, – это растопило как свечу, больше эмоций внутреннего пожара, чем слова, преграждая путь к бегству.

Попав под его таинственные чары я осталась, сначала до рассвета, потом до заката... Мы не расставались несколько дней, влипнув друг в друга, не отрываясь не на миг. Боясь, что пространство снова начнет меняться, разделяя нас, если ни временем и не местом, то нашим стремлением к самоконтролю и дикой, нескрываемой тяги к одиночеству. Мне кажется или так и есть, а обычно есть так как кажется... но то, что происходило дальше, дергало нас как марионеток на волшебных нитях судьбы. Шепотом себе на ухо и никому...

«Когда я увидела тебя... дрожь с ознобом пробрала меня насквозь... знала, почуяла все, что будет дальше со мной, полностью зависит от тебя... твоего взгляда, твоих желаний, твоих улыбок твоего «да» и твоего «нет». Полностью влипла в тебя... пропахла тобой насквозь, впитала все оттенки твоих снов... развела границы, заполняя все пространство своей любовью... где на твою почти не осталось места. Многие жизни рядом с тобой... пронеслись сквозь меня заполнив воспоминаниями нашего общего. Мир наших потерь и терзаний друг друга этой неистойвой, неловкой, странной, нелепой любовью... Которая ломала нас из жизни в жизнь... круша все вокруг... оставляя выжженные поля, политые кровью разбитых и разбросанных вокруг сердец... Ты сияешь во мне безграничностью чувств, оттенков... даже спустя столько лет, ты не даешь мне покоя оборачиваясь лицами прохожих... Пленяя, тонкими нотками своего запаха в чьих-то духах... очаровываешь тайной и уточненной грустью заколдованного принца с тонкими, длинными пальцами на гибких руках... Твой рост, все еще заставляет оглянуться на рослого и плечистого парня с ровной, плывущей походкой... Гладкость кожи, пульсируя под моими пальцами, многие ночи не дает заснуть, убаюкивая твоим присутствием и пугая до дикости, мыслями о нашей некогда не возможной встрече... о нашей полной принадлежности и абсолютной неподходимостью друг другу... Я вижу твою улыбку-насмешку неловкую, с неправильным прикусом и белоснежными зубами, чувственными и обветренными губами...

Помню гладкость твоих волос под моими руками... И как смешно и очаровательно они взъерошены, когда ты такой огромный сидишь на маленьком стульчике совсем в углу, напротив холодильника, улыбаясь куришь, теряясь в клубах дыма! Еще многие года только владелец того же транспорта, что и твой, мог иметь надежду познакомиться со мной...

Господи! Все, любая мелочь, с толикой твоих движений, твоего взгляда, походки, имени, все что, даже немногим напоминало о тебе или тебя, могло напрочь сбить меня с толку и заморочить мне голову, притупить внутренние, распознавательное чутье! И пытаться быть со мной рядом на твоём месте... жадно упиваясь моим сложным замешательством.

Во вселенной нет ничего, сильнее моей любви к тебе!
И нет ничего более голодного по твоей любви ко мне!

О Боже! Как странна и многогранна, саркастична
Моя любовь к тебе, мой друг!
Ты проявляешься в других, меня сжимая сотней рук.
Тебя я чувствую во всех, кто заставляет обернуться,
Остановиться, замедлить бег и оглянуться.
Твой поворот, твою походку я узнаю везде.
Твой силуэт, твой запах меня заманивал
В объятия чуждых мне по духу персонажей.
Скажу, как на духу, по ним себя я не размажу!
Маня и всячески цепляя, кто чем, и кто как мог...
Не смог никак с тобой во мне уладить.
Я никогда не видела тебя, во снах.
В мелодиях морских, в парениях чаек вдоль прилива,
В беруших за душу, дождливых, хмурых днях.
В лице прохожего, не опуская огненный свой взгляд
Тебя я вижу, зрю, ты там и здесь, живешь со мною рядом
Ты отражение мое, мой след, мое проклятье и услада!
Я знаю, что по чем и по-другому мне не надо!
Тебя я зрю сквозь двери и преграды!
Ты заполняешь все вокруг, мой друг!
Ты так прекрасен, своей Божественною красотой.
И пусть проявлен ты лишь в качествах чужих,
Они мне так сродни, что я их собираю
В магический ларец, дабы открыть
И приманить тебя, забрать свои доспехи,
И воссиять с сияющим мечем, любви и мудрости.
Я постараюсь дорасти до твоего плеча.
И вечностью наполниться и счастьем
Чтобы не требовать прикрыть дыру,
А целостностью стать и благодатью.
И изливать любовь, не требуя взамен,
Тех перемен, что не готовы сдаться в плен
Пленительного счастья без пристрастья.

Я так ждала, когда же, перестану прикрывать свою наготу твоими руками... Когда перестану переключать свое забвение тобой, на забытье в другом. И можно ли наконец-то, не вписываться друг в друга, цепляя линиями, неестественной толщины... Может твой страх это антидот моей смелости, или эта смелость прикрытия страхов, живущих во мне еще с незапамятных времен!?

Я помню тебя еще с детства, знаю, что любила тебя всегда, читала твои ненаписанные письма... Писала неотправленные, отравленные ожиданием и ограниченные безрассудством возраста...

Мысли о тебе острые и цепкие, я не могу от них защититься. Они проникают в меня сладкой негой, постоянным замиранием духа. А еще это похоже на болезнь с ознобом... ты... зацепляешься за все внутренние и расширяешься, уничтожая все, что не о тебе... ты убиваешь меня, вдохновляя на подвиг... подвиги... Пронося в меня желание жить, отравляя его невозможностью такой жизни. И тебя пугает только то, что ты тоже вне кожи, рядом со мной. Боишься той бешеной гонки, которой являюсь я. Ты знаешь, каждая мысль о тебе звучит, как звон стекла, плохо спрятанного от детей сервиза. Но ничего, я рада тебе... ты перестала быть

во мне проявлением бунтарства и дикости, во всяком случае пока... я очень на это надеюсь. Жалкая, ничтожно липкая и абсолютно не естественная надежда на примирение с самой собой, вне нас... Она является очень громко заявив о своем прибытии, да так, что под вечер следующего дня я все еще усмехаюсь ее наглости, да и своему попустительству. Проклятая скорость... Я застряла в тебе... Где бы я не была, все начинается от тебя и что бы не делала, заканчивается тобой. Ты есть причина и следствие... Я только теперь, спустя тринадцать лет понимаю, что ты, твой силуэт затмил мою любовь к Высшему! Вот откуда наш разрыв и кровь на полях сражений за каждый миг встречи... Как мне сохранить было свою целостность, с разорванной крышей и порванным нутром, с огромной зияющей дырой в оторванной голове! Конечно, там всем на верху было необыкновенно весело, смотреть на весь этот накрош или мясной вагон фарша, в который нас раскатало чертовой любовной мясорубкой!

Временами мне кажется, что я похожа на невидимую сефиру Даат на древе жизни, которая вросла в твое древо, переплетаясь корнями, а удар молнии, долженствующий проходить сквозь все сефироты, в моем древе долбит и долбит в одно и то же место. Многими жизнями, макая меня в одну и ту же лужу собственного бессилия и мракобесия. Мы снова пытались изжить причину нашего притяжения и отторжения... И ты снова удрал от всего этого... Какая меня в водоворот самых разрозненных мыслей... Ты еще не вспомнил, поэтому для тебя моя любовь тяжелее тяжелого, а твоя ко мне отзывается ужасом, во всех твоих движениях и действиях. Я не могу найти тебя, но смогу ли я уважать себя, снова и снова бросаясь в человеческое, ломая «рога» и сбивая в кровь «копыта»... Отбрасывать главное – то зачем я здесь. Когда же наступит светлый миг, в котором я выберу не тебя... а себя... А ты не просто исчезнешь – ты появляешься в самые беззащитные моменты моих путей, сталкиваясь на очередном перекрестке лоб в лоб, снова влипая друг в друга с яростным остервенением и теряя на прочь голову... тоже мне всадники без головы оба два... И я рада, по возможности счастлива... в этой идиотической попытке выбраться из человеческого понимания происходящих во мне метаморфоз. А иначе можно сойти с ума, иначе откуда столько вдохновения, столько безупречности, безумия и яростных попыток быть рядом не смотря ни на что. Но одиночество, привычка его, настолько глубоко упершись в нас с обеих концов, придавливала своим весом, заставляя разлетаться от очередного столкновения по кустам, бежать сломя голову, без оглядки, сверкая пятками... Без тебя, там, где ты мог замечательно вписаться в интерьер моего мира... или не мог... или не ты... Но ты уходил все дальше и глубже, в неведомое мне и не проницаемое для моего взора, бросая меня в пучину цинизма и сарказма... Я долго не могла простить тебе выбор, который ты сделал, но знаю точно, сама всегда выбирала тоже, что и ты... Так и не смогла открыть, не одного твоего подарка... отдавая их бабушкам в переходах...

4 глава

Боби Браун

Вся эта поездка, должна была помочь мне выйти куда-нибудь, где нет тебя! Где нет мыслей о тебе, о той странной тоске, что подгоняя меня, заставляла бежать от себя самой, не разбирая дороги и круша все вокруг, местами зависая в неизмеримом нечто на долгие месяцы. Я хотела исключить все нелепые столкновения, разрушающие нас обоих. Наташа сказала: «чем породили, тем и вышибем всю дурь».

Катавасия началась тогда, когда мы с подругой полетели в Монако на выходные. Все шло прекрасно, мы сняли уютный номер с видом на море и город, не дорогой, но очень уютный с «французским шармом» ... Наташа, как всегда, уже познакомилась с каким-то местным донжуаном – фотографом, узнала про все стильные и элитные места. Я пошла плавать и изучать подводные красоты, коих там не было совсем, ну разве пара грустных рыбок и застенчивый краб. Всегда сужу о городах, по их пляжам и морскому дну, все можно спрятать, кроме воды – она либо чистая, либо нет! Здесь вода оказалась прозрачной, не горным кристальным источником, но порадовала ухоженным дном и убранным, аккуратным пляжем. Дно было пустым. Редкие рыбы быстро уплывали, не давая себя рассмотреть. Мелкие крабы и рачки суетливо перебирали песок, на небольшой глубине, останавливаясь и прислушиваясь, ожидая подвоха с моей стороны. Но такую мелюзгу даже бакланы бы не стали есть, тем более в порту, так что, за безопасность ракообразных я могла ответить со всей строгостью местных законов.

Вечером мы пошли в прекрасный ресторан: пили вино, строили планы. На против нас сидела пара ребят и все поглядывали на нас косо. Множество прекрасных, ухоженных женщин, поражало своими яркими нарядами и красивыми лицами. Мы еще удивились, почему так много русских девчонок и как мы не заметили их днем. Расплатились и двинулись дальше, в клуб. Ребята встали и пошли следом, потом исчезли, и мы бы о них с радостью забыли, но тут снова наткнулись на них в толпе на набережной.

– Как пройти в клуб Монако? – спросила я.

– Ваши документы! – сказали они.

– Но у нас нет документов, по крайней мере с собой! А ваши можно с какой стати... вы... И тут понеслось Наташа решила, что они просто нас клеят и пустила в ход все, даже руки. Я при виде подружки на капоте попыталась тоже принять участие в стычке, но меня как-то легко запихнули в машину.

– Везите нас в отель, там документы!

– Нет мы поедим в участок. – сказали ребята. В итоге всей этой драмы – испорченный вечер! Нас продержали в участке, отобрав телефоны, до трех ночи, потом отвезли в отель, так толком не извинившись и не объяснив в чем дело, по крайней мере вменяемо и логично... Я пошла спать, а Наталья, как ни в чем не бывало покатила на вечеринки...

Немного успокоилась и почти заснула, когда она завалилась с предложением поехать с ней потусить, но я наотрез отказалась и была готова утром улететь на Ибицу, куда мы и направлялись изначально! Поражаюсь ее легкости, граничащей с безрассудностью во всем. Сначала я думала, что она не думает, но потом пришло понимание о ее какой-то природной мудрости и видение многих ситуаций иначе чем я. И это расслабило в той допустимой безопасностью мере и даровало понимание ее вечной жажды приключений.

Утро прошло быстро, переместив нас стремительно, без привычных приключений в самолет, который поднялся и опустился, как будто желая унести нас скорее, от французской напыщенности и педантичности. Приземлились, взяли такси и решили остановиться в первом маленьком отельчике, не дорогом, но опрятном. Хорошенько выспавшись, мы пошли на разведку, размяться, побродить по городку. Красивые охотники на легкую поживу, помигивали то там, то тут... Причмокивая и присвистывая, выказывали претензию на легкость бытия, с бес-

конечными возможностями очень конечных развлечений, похожих одно на другое. Проходя меж улиц и улочек, увидела море, побежала купаться, оставив подруге все обожалки и восхищялки.

Весь берег наполняло огромное количество полуголой молодежи, веселой, танцующей и флиртующей. Были, те, кто качались на досках в море или плавали на матрасах. Разбежавшись, я залетела в синее и наполняющие своей мягкой, обтекаемой и живой энергией! Валялась на пляже весь день, перекачиваясь в разную музыку, «искатала» весь пляж вдоль и поперек.

Вечером, в номере мы, перемерив всю одежду, свою и друг друга, одевшись же в самое нелепое, или точнее говоря, слегка прикрывшись чем попало, покатали изучать ночную Ибицу. В одежде для вечеринок для меня важно: удобство танцевать и возможность легко двигаться, танцевать до утра! Поэтому обувь должна быть очень удобной! Сначала ресторан. Наташа знала все места явки и пароли высшего общества, а я была ему протестом – в «кеженных кодах» с черными ногтями и подведенными глазами. Попав в ресторан, привлекли внимание очень разношерстной компании в которую влились, ввалились, не смотря на неприятие этого нелепого «вливания», ярких и невероятно красивых женщин, в этой группе. Меня окручивал огромный «альфа-самец» с ярко, слишком броско, для нормального мужика, формой от Роберто Ковалли... ибо никаким образом эти тряпки не были похожи на одежду. Он, наверно отражая мою само-зацикленность, говорил только о себе, показывал все преимущества моего пребывания в его Божественном обществе. Я же размышляла, что моя самовлюбленность не такая яркая и возможно, терпима для остальных, по причине присутствия юмора и отсутствия серьезности. Шибанутая на всю катушку, видела я бегущую строку на лбах повернутых в сторону меня, еще не знали они, что ждет их путь МДМ в моем исполнении и мало будет выживших на этом пути... Старалась гнать все вспышки воспоминаний о том, что я в действительности хочу... и что все это совсем не привлекает меня, не заигрывает во мне возможно в меня...

Закинувшись впервые кислотой, мы двинули в клуб и там отожгли, как всегда. Я первый раз попробовала «МДМ» и моя любовь к музыке р а с ш и р и л а с ь до беспредельного счастья, обладания ее естественной изначальной природой... Она двигалась мною, жила ритмами, рождаясь через меня бесконечным изобилием движений и форм. Больше ничего не существовало, ничего не было, только музыка и только движения... Хорошо, что мы не были в самом эпицентре вспотевшей толпы, чудом оказались в виайпи, вместе с этой интересной компанией необыкновенно красивых, ухоженных и дорого одетых девушек и стильных взрослых мужчин. Места оказалось мало, для меня расчистили два стола. Только тогда я смогла наконец-то затанцеваться, наслаждаясь свободой пируэтов и всеми проявлениями брейка, дабстепа, латино, трайбла, джаза и всех тех стилей, названия которым не было.

Боби Браун интересный персонаж, с яркой внешностью и диким взглядом, не сводил с меня глаз, даже не моргал. Он перся в меня всем своим существом, реагируя на любое желание быстрее всех остальных. На утро мы покатали на афтерпати, к нашей тусовки пристало больше персонажей и отсеялись слабые звенья. Афтерпати было странным: девчонки забились в угол и сидели молча, а ребята о чем-то спорили, я подумала, что у них общий бизнес. Но тогда еще не понимала, что это за бизнес, и кто это такие... Боби был похож самым главным звеном этой темной цепи. Мы сидели в темном пустом зале, без музыки и общения, размышляя о побеге к свету и ритму. В этот момент меня схватили за запястье и потянули в сторону двери. Мелкими перебежками, стараясь не привлекать внимание, мой пестрый спутник, снискавший кличку «альфа-самец», вытянул меня на улицу, и далее не занимая свой незатейливый мозг деталями, повел меня к себе. Я в раздумьях или трипе, так и не поняв отпустило меня или все еще нет... молча шла в ведомую сторону, пока не уперлись в дверь его квартирки. Отперев и потащив меня сразу в постель, не спрашивая о моих задачах и целях на это утро, пока я все еще не вышла из своей задумчивости. Он полностью разделся, что вывело меня из забвения, как будто невидимка долбанул по ушам, с размаху деревянным веслом от старой советской

лодки, демонстрируя все «прелести» своего «ума», его фраза: «исто ал ерс» – вызвало бурю исторического смеха. Чем обескуражило самца в самый неожиданный момент, дав мне возможность метнуться к двери с криком по-русски: «Заверните с собой!»

Наташа ждала меня на улице, так как ее кавалер ей жутко наскучил, мы решили запить вечер текилой, попытаться заснуть наконец-то! Но не тут-то было, на меня текила произвела странный эффект: появилось внезапно и непреодолимое желание «серенады под окном», которое в эти утренние часы, не порадовало хозяев гостиницы и гостей, но мой не совсем одетый вид, все-таки привлек желающих исполнить ее на разных ладах и языках, побуждая другие гостиницы и гестхаусы на нашей улице, ругать нас на все лады, исполняемых серенад.

Помню я все не точно, но похоже со временем, меня проглотила кровать... Днем нас выставили! И когда подъехали Боби с другом Шоном (смешной англичанин с гигантскими голеньями) мы сидели на чемоданах. Он просто поставил наши чемоданы в машину, усадил нас в свой кабриолет и перевез в отель его друга. Мы почему-то не стали спорить, видимо еще сказывалась бурная ночь... Гостиница оказалась высшим пилотажем цветов и форм, утопающих в зелени. Уютные, шикарные номера, маленькие коттеджи, располагались в удобном уединении. Цветы и череда бассейнов разных форм, источников с водой поражали воображение. Мы быстро кинули чемоданы и двинулись кататься на яхте, которой Боби, не плохо управлял. Сначала было немного жутковато, от его мальчишеской, нелепой и невнимательной манеры вождения. Но, посмотрев на остальных, поняла, что все нормально, на лицах не было страха, не смотря на гигантские волны, раскачивающие лодку из стороны в сторону. Я же понимала, благодаря детству в морях, что двигаться нужно на волну, а не так. Потом заметила, что рассеянность и мальчишеская небрежность, не мешает его пронизательному вниманию и сногшибательному юмору.

С нами было еще несколько странных персонажей: Чикенденс – худощавый «малый», высокий, смешной, все время демонстрирующий свою тощую, белую задницу всем желающим и уже уставшим от этого; лысый аргентинец, который явно работал в структурах типа нашего «Альфа», молча и обожающим взглядом поедающего Наташу.

Нырря и изучая местные достопримечательности, мы провели вместе весь день. Море яркое, но не глубокое, чистое, не смотря на свое монотонно-песчаное дно, интересно увлекая скальными выростами и подводными гигантскими валунами. Когда мы пытались, в последнем месте сняться с якоря, оказалось, что якорь зацепился как раз за один из таких валунов. Я прыгнула за борт и отцепила его, как нефиг делать. Все кинулись к глубинному – оказалось 13 метров. Придурки, чему удивляться, для меня это не глубина. Но ребят это удивило и восхитило. И с этого нырка Боби больше не отходил от меня, стал смотреть на меня, как на одно из своих произведений искусств или новую коллекционную машину. Не знал бедный дядька, что дикость и свободолюбие, разрушит все его представление о внутренних и внешних ценностях, что я стану для него роковым камнем преткновения.

Мне очень понравился Боби! Мужчина-мальчишка... интересный, необычный с прекрасным живым юмором – а для меня это важный критерий, думаю основной – и неким ореолом таинственности, что придает его личности блеск и шарм. Его мальчишеская небрежность, очаровала меня. Мы с тех пор не расставались. Синди (его девушка), необычной красоты, польская принцесса, съехала сразу. Я вынесла ее чемоданы и обняла на дорогу. Инга (бывшая подруга Короля Саудовской Аравии), растившая его сына, долго вставляла мне палки в колеса, но исподтишка, так как побаивалась и считала безумной чудачкой, но не она была первой меня обходящей стороной, не она и последней.

Мы с Боби Брауном, были вместе почти девять лет, расставаясь и встречались снова, нас сталкивали лбами все эти годы, какие-то сверх силы, притягивая совершенно чуждые друг другу разности, непонимающие каким обозом им быть и если не единым целым, то хотя бы вместе. Мы жили летом в Испании, а зимой в Южной Африке. Тоже полярности, такие непо-

хожие, но такие родные, своей внешностью с Дальним Востоком. Испания пленила меня долгими скоростными дорогами, на моей быстрой маленькой машинке, уносящей от цивилизованной напыщенности в серфовую простоту Тарифы, где мы с сестрой катались на виндсерфенге и кайте. Живя в маленьких бунгало и общаясь с уже родными серферами, фотографами и их разношерстными спутницами. Там проходили ежегодные чемпионаты мира по виндсерфингу и кайту. Мы как раз перед тем, как улететь прыгать, решили посмотреть на соревнования. Встретили многих редакторов спортивных журналов, отложивших наш отлет, съемками в них. Все же мы были одними из лучших российских спортсменов по парашютному спорту, да еще и снимались в разного рода рекламных акциях, кино и передачах, были узнаваемые даже в разных странах.

Боби всегда льстили мои новенькие кубки, медали и просьбы сфотографироваться со мной. Сестра Татьяна была лучшим другом Боби, у них была оппозиция против «Сачь», выражавшиеся в бесконечных розыгрышах и подколках в мой адрес. Порой они совсем переходили все границы моего возможного терпения и спасало их только серия подарков в мой адрес: новейшие доски, защита для мотика, шлемы, перчатки, гики... и многое другое, а, и еще поездки в интересные места. Но Боби на мотоциклах больше не ездил, только на мопедах. Он еле пережил страшную аварию, разфигачился в дребезги на спортивном мотоцикле. Собирали его не один месяц по кусочкам, множество шрамов на лице выдавали весь ужас пережитого. Мы с сестрой тренировались в Пуэрто Бонус, обучаясь фрифлау у чемпионов мира – Бабилюнцев.

Помню Боби улетел, оставив нас одних наслаждаться тихим городком. Мы каким-то нелепым образом, разделились, полетев в разных взлетах. Я с Фредо, Таня решила прыгнуть одна. Когда мы отработав, открылись, стало ясно, что я попала в бурю. До земли оставалось 700—600 метров. Парашют сначала открылся, затем, попав в поток, сложился, провалив меня на сто метров за несколько мгновений. Была возможность отцепиться от основного и открыть запасной, но я понимала, что запаска больше размером, это не поможет, и возможно она понадобится мне еще, если основной разорвет. Мой парашют принимал все возможные и не реальные формы: то раскрывался, то снова складываясь, мелькая передо мной красным прощальным платком, следующим за невидимыми, но плотными воздушными потоками. Страшно не было, было волнующее предвкушение своего конца земного, видя, как в замедленном движении приближающаяся земля, снова набирает скорость, раскрывая мне свои объятия... Каждый раз, садясь в летательный аппарат, я и Таня мы были готовы, что это будет не крайний, а последний прыжок, и возможно свыклись, сжились с этой мыслью. Так что сделав все, что в моих силах и постоянно подыгрывая клевантами, невероятным усилием разводя свободные концы, я по возможности расслабилась и лишь ждала, чем же закончиться все это. Но парашют, который мне перед своей смертью отдал друг Кирилл А., улыбнулся его детской, и своей алой перевернутой и ровной улыбкой... всего за сто метров от земли стал правильной формы, мягко и легко опустив меня на землю. Меня трясло! Но так как страх смерти отсутствует, то недолго, просто адриналинка... мы пошли купаться, прихватив серебряную текилу.

На море, пляж не был виден, из-за стоячего в воздухе песка. Песок обстреливал нас дробью, но мы целенаправленно ползли к воде. Наверное, это похоже, по моим ощущениям, на попадание в дождевую тучу, когда сворачиваешься калачиком и поешь какую-нибудь песенку. Была такая дежурная песня – «с нами солнце и луна, шум дождя и тишина», пока пищалка, силой воли заставит открыться на поток, подставив себя под обстрел града, дабы выровняться и выкинуть медузу. Кинул, закрыл глаза, один... два, вдруг: «бах!» – хлопок и ты под красным кровавым куполом, на фоне синего-синего неба, обрамленного полоской красного заката и белыми прозрачными облаками, оттеняющими зеленое-зеленое под твоими ногами, или белое-белее пушистое, если это зима...

Как-то мы прыгали в Ступино и решили сбросить Боби. Он попробовал два раза, потом хвастался, что мол, два парашюта использовал вместо одного, так как я богат и уважаем, то

мне такой бонус – сам над собой шутил он. Мы с сестрой сначала смеялись, затем побежали к Фиме с вопросом «почему?». Фима тогда еще был жив, – это было за пару недель до его кончины в аварии, – он смущенно сказал: «да, вот такие дела».

– Две отцепки за два tandemных прыжка. Может и не нужно вашему другу прыгать?

Когда Боби прилетал, то мы жили в Хилтоне, когда улетал – в вагончике на дропзоне. Москва почти отпустила меня по занятости, но все равно одаривала возможностями хорошо заработать. Не принимать подарки и деньги от Боби стало фобией, которой мы оба очень боялись, да и уже спустя 3 года совместной жизни эта моя «я сама» порядком достала, человека, который действительно любил и хотел дарить свою любовь через все что мог. Сейчас я бы сказала, что не умела принимать дары, но я над этим работаю, стараюсь, как могу. Страх попасть в зависимость от кого-либо-нибудь. Страх быть обязанной... Для моего миропонимания это было достаточно нелепо, как яркое пятно на чистой скатерти. Мы путешествовали вместе, когда встречались, не договариваясь в Амстердаме или в Милане, или на Тенерифе. Много мест ждало нас. Наверно со стороны это было похоже на бегство или погоню за жизнью, успеть все, что можем – молча, выдавали наши глаза страсть к постоянным переездам, оставляя настоящие причины такой гонки вдалеке друг от друга.

Еще мы летали на Красную поляну в Сочи покататься на сноубордах. Несколько недель мы уговаривали Боби полететь с нами, и наконец, согласившись, бедный шотландец еще не знал, что такое русская зима. Мы заказали гостиницу, билеты, взяли доски и теплые хорошие вещи. Обычно мы редко бывали в зиме, в основном мы катались на серфе или виндсерфинге. Но тут распробовали зиму через борды и каталку на кайтах и поняли, что зима тоже прекрасна, и может быть изящна в своих нарядах, а еще жарка и даже горяча, совершенна, и необыкновенно красива!

Мы сидели в Шереметьего-1 и ждали посадки на свой рейс, попивая кофе и поедая отвратительные салаты. Вот так мы просидели наш самолет, а когда пошли на посадку, нас просто развернули. Никакие мольбы, просьбы, деньги не помогли. Но мы не стали отчаиваться: поехали в Домодедово, но прямого рейса до Сочи не было. Но от Краснодара до Сочи было не далеко, как мы об этом в красках рассказали Боби. Долетев до Краснодара, мы нашли водителя на маленькой красной русской машинке, пытались не бросаться Бобинскими деньгами, по крайней мере на ветер, только на «нужды нуждающегося» в этом обществе. Но британец (тут британец шотландцу не мешает, так как он родился в Дублине, но паспорт был английский), в легком костюме и тяжелом шоке от происходящего, от русской холодной машины, от нетрезвого водителя и нас, сразу уснувших, как только тронулась машина. Нам с сестрой поездка показалась легче, чем обычно, мы всегда путешествуем, утопая в приключениях.

Через несколько часов, а точнее через шесть часов езды по сугробам, он вскричал: «... одно вперед, десять назад, вези нас уже, русский пьяница!» И в этот момент его радости не было предела, он с криком «Фак!» выскочил из машины и побежал в гору, как быстроногий англосакский олень. Причиной такой радости послужила Редисон Лазурная, прямо у подножия горы.

– «Сашч» (так он меня ласково называл), мне все равно, где та другая, забронированная нами гостиница, я хочу эту!

Мы спорить не стали, глядя в его красные глаза, искаженные болью... Хорошенько поужинав, мы все свалились спать вповалку, кто где «упало». А на утро, одевшись, плотно позавтракав, мы полетели на гору. К счастью это была самая близкая гостиница к подъемнику. Мы помогли Боби одеться и подобрать борд. Но тут, когда мы поднялись наверх... где-то в самой глубине, наши огненные, дикие внутренние лошади внезапно забили копытами, «мастями» запрыгали наши желания слиться со всем белым и скользким, быстрым... мы уже не смогли остановиться... и... Боби был запущен вниз, не кантуясь, прямо по прямой, без эмоционального стресса от содеянного и тем более без угрызений совести. Мы помахали ему руками, не обращая внимание на квадратные глаза и «корчатую скрюченность» начинающего

сноубордиста. Так как мы сами полетели на черную трассу... в этот день почти без приключений, не считая игры в «убеги от спасателя», который мешает кататься по самым лучшим трассам.

Вернувшись домой, нашли Уолтера в плачевном состоянии, «без менисков» – как он цитировал свое состояние, волком глядя на нас. Но надо отдать должное, он держался по-мальчишески стойко. Оповестив нас, что наша школа катаний разрушает души и уничтожает тела, и он освобождает нас от всех клятв и заверений в своем инструкторском долге. На следующий день он нанял симпатичную инструкторшу, связав ее по рукам и ногам клятвой верности и преданности ему одному, до конца недели, тем самым, дав нам полную свободу.

И понеслись по черным трассам, меж длинных стройных сосен. Таня, я и наша камера на каске – в то время это была, к сожалению, не «гоупро», а здоровая «сонька» в специальном боксе на шлеме. Мы летели по самым гребням... высоко, гордо и красиво... пока не влетели в мелкую поросль, низко, неожиданно и подло. Когда же поняли, что заплутали, сами в это не поверили. Выбирались весь день увязая в снегу и карабкаясь, только зацепившись доской, так как снега было выше головы. Наконец-то вынырнув на опушку леса и... и... видя накатанную трассу, мы запрыгали от восторга. Одели доски, покатались по склону, но тут помимо тумана, начался снегопад, видно не было ни зги. Таня исчезла с оборвавшимся криком: «Не сю...» Как потом было видно на камере, я то ли спрыгнула, то ли спланировала, в виду устойчивости моего организма перед силой гравитации, прямо рядом с шеей сестры, очутившись плоской подошвой доски на мягком месте, на спине, между лопаток, слава всем лесным духам, не кантом.

После этого мы пили, и пили, и пили текилу и замасливали свое халатное отношение к Боби Брауну, уверяя, что не смогли совладать с искушением целены и скорости, что искренне раскаиваемся в содеянном безразличии к его раненному мениску, и что, подумав, мы поступили бы иначе. Вот он уже заулыбался, подлезая к нам под руки и показывая свои коленки, рассчитывая на массаж. Мы с сестрой без ложной скромности, учились на мастеров по массажу, собирали разные виды и практик и возможностей работы с телом. Но на тот момент, я не очень любила делать массаж. Наверно потому, что та дарительная жилка еще спала во мне сладким сном. Только спустя десять или более лет, научилась понимать или поняла, что больше радости от отдачи и дарения. Когда я сейчас делаю массаж, я получаю огромный поток радости и энергии, да такой силы и мощи, что думаю я сама должна доплачивать за такое удовольствия, разных потоков и переживания чужих эмоций и жизней.

Только однажды, я отравилась чужой энергетикой. Да так мощно, что отплевывалась и отблевывалась трое суток. Ко мне пришла маленькая девочка кришнаитка, родственница моих близких друзей. Она рассказывала, о своей нереализованной сексуальной энергии... Злая девочка! Я старалась не думать об этом, но когда сама проглатывает твои добрые намерения и это говорит: «Да это я делаю». И тогда – «халас» всему, и ты работаешь сам, без поддержки высших сил, на своей энергии. После того раза я говорю теперь «наши дети», косясь глазами в небо, «наши проблемы», «наши задачи и наши пути», усвоила урок на отлично, проблевав 3 дня после «малютки-кришнаитки»!

О том, что он, мой возлюбленный – наркобарон и торговец оружием, разыскиваемый ИНТЕРПОЛом и подозреваемый в убийстве Чарли Уилсона, известного грабителя, я узнала, наткнувшись на фото его друзей, в графе десятка самых разыскиваемых наркобаронов. И пробегая далее про сводки о гангстерах, увидела всех наших с ним друзей и даже подруг. Его фото и рассказ о нем было на восьмом месте. Когда он вошел в номер в Хилтоне в Москве, я уже уехала. Мне нужно было подумать и подумать хорошо! Теперь я понимала: наши постоянные переезды и бегство, были не по причине его разных бизнесов с казино и афер, не по моими причинам, о которых я ни ему, никому-либо не говорила. Про оружие не знала, только про нелегальные деньги. Но то, что он настолько влиятельный человек... для меня было шоком.

Общаясь с сильными людьми мира сего, я четко видела их страхи и несвободу в выборе путей. Мне нужно было взвесить все и точно решить. Я позвонила своему «другу» Игорю и попросила досье на Боби Брауна. Тоже дура, конечно.

– А зачем тебе, что замуж собралась? – спросил Игорь, он давно принял на заметку мои отношения.

– Ладно забирай, я на даче, и привези видео прыжков, не знал, что так люди летают, тоже хочу попробовать. – улыбнулась, возможности встретить еще одного, посаженного на небо.

Про Боби Брауна было много информации и в Википедии, но слава богу, про меня не было ни слова. Перечитав кучу разных разностей и восхитившись частью, что склонна к аферам и приключениям, в тоже время понимая, что нифига это не шуточное дело, принимать такие вот решения. Но руки сами легли на руль, и машина повезла меня к моему дорогому другу.

– Ты где пропадала, – спросил Боби.

– Прыгала. Скоро соревнования и у нас программа хромает на оператора. – и после минутного колебания, добавила – Давай мы тебе рекламу бизнеса, на наших парашютах сделаем, – не удержалась я от сарказма.

Он посмотрел на меня так, как будто я ему предлагаю омлет из тухлых яиц, но ничего не ответил, больше я себя не компрометировала. Боби много работал, как потом оказалось, исследуя в России новый «рынок сбыта», пытаясь расширить свой бизнес. Когда он попросил меня познакомить с его «тем или этим» влиятельным персонажем, в круги которых я по нелепому случаю была вхожа, без особой радости помогала ему. Так как сама общалась с персонажами из разных структур и органов, участвуя в процессе творческой работы по устройству праздников, розыгрышей, дней рождений. Моя концертно-танцевальная деятельность привела меня к организации крупных мероприятий.

Я любила Боби как отца, так как наш отец сделал нас в целях самовыражения: «вот какой я посмотрите, плодовитый и гениальный, теперь мне все должны, за то, что вас породил, меня обеспечьте всем». И так далее, и в том же духе. Пока только матом могу самовырождать свои глубочайшие чувства к отцу и самое интересное – это мой осознанный выбор. Выбор реакции – это вопрос воли, и внимания, практика, все это для меня, практика моих знаний и навыков, дикая площадка по саморазвитию и реализации.

С детства вдальбивал мне и всем вокруг, в голову, что все дураки кроме него, а вышло как-то совсем по-иному... А вопрос о простой помощи в желании учиться, рассматривался как оскорбление! Может я насмотрелась фильмов, про то, что родители должны оплачивать обучение... наверно все проще и мне родители не были ничего должны... Но на тот момент я не обладала мудростью, вдолбленной в меня опытом возраста, и все, что я хотела, это как ни странно – учиться.

Меня родил, и был сначала

Тот, кто без конца и края, все время!

Рвал меня на части, не оставляя

Мне ни воздуха, ни сна.

Вставляя палки мне во все колеса.

И кажется, исколесив весь свет,

Что мне покоя от него и дома нет,

Ни на дворе, ни где-либо ни будь.

Но оказалось, даже интересней —

Ему покоя тоже нет от самого себя.

Он занят беспокойством, и оно его услада,

Ему другого нечего и никого не надо.

Не тратит сил на помощь и заботу,

Не обольщается работой,
Все мысли, разговоры только о себе
И о своих проектах бесполезных.
Все дети, люди и семья
Лишь отражение его «я»!
Ему что чешешься – почешет,
Хоть где и с кем бы не был он.
Все только он, да он один...
Своих детей он баснями кормил,
А если те учиться пожелают
Или для дома что-нибудь приобрести,
Кричал, что все ему должны и так,
И что в долги вгонять он, никого не хочет!
И всем нам голову морочил,
Что денег нет,
Пустил их все на добрые дела...
Как говориться, молока с козла...
Ну в общем, не дождались.
И вот теперь мы не стремимся
С ним ни общаться, ни дружить,
А только постараться жить
Без встречи с ним ни на минуту.
А он уже совсем сошло с ума!
Твердя нам всем, что мы ему должны
За образование, и все его труды
За ночи все без сна...
Вот Бес, послать бы его на...
Ну в общем, на «куда» туда,
Где никогда не светит солнце...
Но он отец... И вот смешной конец.
Теперь нам не понять куда пришить рукав?
К какому месту? И зачем?
Разорванный рукав куда его не шей
Все будит лишним... как его не штопай.

Пока тем, кто проявлял все прекрасны заботы и внимания, был Боби, и он действительно любил нас как семью, и с радостью помогал всем. Раньше было не просто говорить об отце, а теперь даже лень, никаких чувств, никаких обид, но мне видется, что это самое ужасное, что может вырасти или умереть, по отношению к кому-либо, а в особенности к близкому человеку!

Бывают иногда приступы ярости, но быстро проходящие, теперь я за ними наблюдаю из того места, где эта дичь не имеет надо мной власти. Раньше гонялась за ним – не за приступом, а за отцом – с горячим киселем, мечами... не деревянными, а к его ужасу, металлическими, выбивала кулаками стекла и зеркала, ибо только вид крови мог привезти меня в чувства от слепой ярости, которая наделяла меня силой «супермена» и моими руками поднимала отца над головой, как елочную игрушку... кидая на пол, что приводило в еще больший шок всю семью, и вообще свидетелей этого «суперменского» броска. Честно говоря, сама того не понимая, я злилась на него, за ту Индию, в которой жила вместе с ним и сестрой. Мы снова воплотились, но наши роли так и остались: отец, две сестры...

На сестру тоже негодовала периодами, за предательство и казнь моего возлюбленного. Понимаю, что все так необходимо и приходит тоже вовремя, но к сожалению, не в осознанное мудрое понимание, а то, которое наполнено эмоциональными вспышками, отбрасывающими тебя с твоего пути далеко в никуда.

Проведение обладает удивительным чувством юмора, через столько лет, сталкивая нас всех в одной семье в тех же качествах, что и несколько веков назад. Боби возместил своим вниманием и заботой недостаток отцовского внимания, хотя, он был не внимательным, но зато всепрощающим и всегда приходящим на помощь другом. Я же портила наши отношения, стремясь показать ему, что мне не нужны его деньги, лишь он сам. Ставила его в глупое положение, оказываясь от замужества и подарков. Он все девять лет, выпрашивал у меня ребенка, всеми возможными путями, я в глубине души была не против, знала, что он одинок и я, с моей семьей, – его последняя зацепка за чистоту, человечность. Но в глубине души понимая, что если родиться ребенок, лучше будет залечь на дно или удрать подальше. Боби был настойчив, твердя, что я его роковая любовь, которая разрывает его на части, и что он уже устал ловить меня и хочет стабильности, семьи! Я же не могла объяснить, что знаю о нем все, а рожать детей при нашем пространным образе жизни, пугало меня до чертиков и не позволяло даже думать о ребенке, способным стать ахиллесовой пятой, как и мне, так и ему.

Мы могли внезапно ночью, оставив все вещи в гостинице, улететь в другую страну, оглядываясь и меняя паспорта, как перчатки. С Бобинским чувством юмора и возможностями я не исключала такую опцию, как побег на Марс или Венеру. К тому же я сама была завязана не совсем приятными обстоятельствами, в погоне за приключениями и легкими деньгами – напоролась не на тех людей... Память о пистолете у виска моей сестры, жучки, камеры в квартирах, меняющихся и наплывающих на тебя по утрам невозможным пониманием местности. Время, когда мы играли с подставными покеристами, погони и игры в прятки, как кино, когда за нами бегала не лучшая половина Москвы... 90-ые они всем девяностые. Не верилось порой, что все происходящее реально, что все происходит с нами... Но мы исчезали...

Один раз по нелепым стечениям обстоятельств, подставив Таню, которую, все же одумавшись о содеянном, вытащил практически за волосы так называемый «брат», сдавший нас всех с потрохами, дабы спасти свою шкуру. Забыть такие вещи сложно! Да и опыт общения с бандитами преследовал меня всю жизнь, видимо наследство от отца. Я тоже была не просто «офисным работником» и в свое время за наши мелкие и крупные дела, мне был закрыт въезд в Россию на шесть лет, приходилось путешествовать кругами через Белоруссию на поезде, потом самолетом. В последствие все дела закрыли. Помогая Боби «осваивать» деньги через Россию, вкладывая их, в никогда не построенные лесные городки и объекты.

Но как говорить – сам дурак. Бумаги на последнюю сделку остались в бардачке нового BMW X5, в незакрытой машине... увели ее вместе со всем содержимым.

Находясь в ЮАР он занимался подделкой дорогих производителей, таких как Ролекс и Картье, используя возможности ЮАР и ее драгоценные камни и металлы. Подделки были хорошего качества, я всегда говорила, что намного интересней нанять дизайнеров, сделать свою коллекцию необычных изделий. Наверное, нужно было настоять... Но со способностью нашего зависания в своих мирах на длительные месяцы и даже годы, а также разное время выходов их этих «трипов», мы так и не сталкивались бизнес интересами. Боби не мог поменять картинку мира, воспринимая женщин вокруг, как предметы интерьера, к тому же он не любил менять налаженный бизнес, не хотел никого посвящать в сокровенные дела.

Тем не менее в машине было какое-то количество украшений, и их все конфисковали. Мне потом звонили из полиции и просили прийти и доказать, что это все принадлежит мне. Пришлось врать, говоря, что это все подарки на помолвку... не помню уже что и куда улетело и кому это досталось, не нам уж точно. Думаю, это то, чем мы с Боби оказались похожи, лег-

костью приятия потерь, и всего, что касалось части материального, на тот момент Боби тоже относился к вещам легче.

В Марбеле, Малаге орудовала русская мафия и предложила нам вернуть машину, за пол цены. Это правда незадача, Боби не любит, когда ему указывают, что он должен и кому, это его «баранье» упорство завязало в узел и его и многих. Он приехал на стрелку с полицейскими, и всех участников кражи взяли, но и машину закатили в участок, для снятия отпечатков пальцев. Про бумаги же Боби забыл. Пока полиция не взяла его под белы ручки через пару дней, я к тому времени ничего не подозревая, улетела в Москву. Он даже не пикнул про свои проблемы, мы расстались и не виделись год или больше.

5 глава

Зависимость и судороги переключения

Снова появился ты прежде чем исчезнуть в снегах Сибири. Ах, если бы ты не появлялся! Как значительно легче была бы моя жизнь! Как много глупостей и стремительных поступков удалось бы избежать! Ты мелькал где-то рядом – я расцветала, ты исчезал и на то, чтобы привести себя в гармонию или подобие ее, уходило несколько лет. Иметь возможность спать, а не гонять с бутылкой текилы где-то по дорогам. Но как говорить, чем больше твое желание приключений, тем меньше ты с ними сталкиваешься. Пара магических знаков и заклинание невидимости – и никого, ты один. Жуткую тоску по тебе я хоронила в лесу чувством страха, но и то, не надолго. Приезжая в места из картин великих художников. Браво, славен наш край! Солнечная поляна, место где я была ребенком, ясно помня себя с двух-трех лет, заново переживая свой страх перед Фишером-маньяком, которого ночью видела на нашем огороде под балконом. Папа на работе-дежурстве, мама с первым попавшимся под руку орудием... Мне три года и я уже не сплю на балконе, смотрю на маму с топором, бледную, но героически решительную. Мама потом рассказывала, что она пережила за эти мгновения тихой ночи, его шаги, половина этажа, которая разделяла нас и этого чудовища. Каждую неделю тогда люди в форме с собаками искали маньяка «поедающего» детей.

Про Фишера ходили разные байки. Говорили, что парень который видел из кустов как Фишер расчленил и сожрал его друга сошёл с ума. А маньяк был в свое время хирургом, так что, мне видятся не лицепрятная картина. Не знаю правда или нет, но страшно было до мурашек, особенно нам детям, знающим лес, окрестности, привыкшим к свободе и передвижению куда глаза глядят. С нами всегда ходила немецкая овчарка, охраняющая нас. Вот же манили меня воспоминания детского страха, а может быть ностальгия по детству и нетронутой природе... свободе... белым лебедям на озере, чистой Москва-реке! И еще, там меня никто не мог искать, это моя тайна, потайная. Там я приходила в себя, гуляя или ночью у реки, и возвращалась обратно более-менее наполненная. Но потом снова появлялся ты и все начиналось с начала! Наверно меня спасло желание летать, это желание притянуло меня в небо, постепенно затянуло в спорт, так как возможность работать за пределом своих возможностей всегда интересней монотонного действия: «ты-треш».

И мы полетели. Я посадила Таню не небо, как она меня на сноуборд. Так и летали, между небом и землей, между снегами и облаками. Мы были опасной командой, за несколько лет стали абсолютными чемпионами России по фристайлу, но нам было мало и мало! Пошли прыгать и фрифлай, это сложнее, так как команда, это единое целое и если кто-то «косячит», то это отражается на всех. С нами прыгал парень, который, учился на работника «органов», беру в кавычки и умолчу каких, дабы не получить по шее в очередной раз, а то и по морде во второй и третий. Он познакомил меня, нас с уникальным! Удивительным человеком, который сыграет в моей судьбе, а также в судьбе моего отца важную роль.

Мы жили небом! Мы жили на дрозоне! Я помню, как мы пришли туда, желая пройти АФФ и хотели прыгать только с Русланом Витальевичем! И не зря, Руслан – прекрасное создание чести и рыцарства, ответственности и юмора. У сестры был другой инструктор, Сергей, тоже добрый и смелый человек. Засыпали мы с мыслью о небе и просыпались рано утром в четыре утра, дабы успеть доехать на машине до Коломны. Прыгали по двенадцать прыжков в день, однажды даже сделала двадцать четыре «прыга» за день на спор, но парнишка победил; мы прыгали на двух системах, устали «морто»! Постепенно все остальное стало не важно, мы переселились на дроздону, купив вагончик и живя в нем, только иногда выезжая в город за деньгами.

Я работала в «бесструктурной структуре», без названия и рода занятий и получала хорошие деньги. Хотя работа была не самой чистой, но и не самой сложной и долгой, задания были

похожи одно на другое. Но довольно интересно было играть разные роли, красиво одеваться и ездить на дорогих машинах, ночевать в разных городах, ужинать с сильными мира сего. Иногда меня так завораживали мои заданные задачи, что хотелось быть с ними честной и... но нет, так было удобнее для всех, я точно знала, что беседы и завораживающие воображение истории были бы совсем иные, если бы можно было без грима и масок. От понимания всей возможной беды, что я им приношу своим вмешательством, сначала коробило, затем я привыкла верить, что все это – игры разума, я просто переигрываю их, этих покрытых славой и тайнами заговоров персонажей. Был даже один паренек, с кем я могла удрать от всего этого куда-нибудь, не важно куда, меня раздражал жучек. Я помню ковыряла его, надеясь убить слушающих звуком. Были те, кто ловил во время поиска нужных бумаг, но тут жучек и вовремя приходящий на помощь Игорь был рядом, радуя скоростью вмешательства. Помню только раз он опоздал и мне сильно досталось, и пара передних зубов теперь вставная. Били ногами. Но боль неотъемлемая часть нашей жизни и я принимала ее как должное. Всю жизнь готовила себя к пыткам, или возможно, это было памятью старых испытаний, переживаний прошлых воплощений, где на кострах много нас пожгли... Но это то, что было личным и о том не знал никто, даже сестра и мама думали, что я танцую в группе, как раньше или развлекаюсь. Как и следовало ожидать, свое желание твоей любви, я перенесла частично в небо, частично на окружающих меня людей, нет, без желание на сближение, только очень тонко и без мирского, без иллюзии.

Руслан – кремень и, как потом выяснилось, являлся директором дроздоны. Так что, ему было не до меня, да и статус не позволял. Любил он меня, как ребенка, нуждающегося во внимании, а также как свою воспитанницу и ученицу. Нянчился со мной, помню, как бежал встречать по полю, после отцепки... и первый и второй раз. Мне везло, я не отцеплялась от открытого парашюта, у меня был полный отказ, это психологически легче в разы. Время текло медленно, проникновенно и романтично, стирая все, что было до него-неба, вне его-неба. С ним по-другому не бывает. Оно затягивает и не дает оторваться от себя, не дает возможности, не вдоха не выдоха, заполняет все твое и свое пространство. И те, кто был там, даже имея предвидение, что этот прыг станет последним, все равно с улыбкой будут выходить из летательного аппарата и будут тречить в сторону заката. Адренолиноромантика!

Безграничные мечтатели о полетах, мы – все те, кто летал во снах, воплотил детские мечты о крыльях, невесомости, пусть на мгновение, но эти минуты полета были нашей вечностью. И теперь я не знаю, как могла жить без неба и как могу жить без него сейчас. Видимо, человеку все равно необходимо переключаться, даже если он занимается любимым делом, или нам все время нужна творческая энергия и мы влюбляемся и любим... в небо, море... И когда все чувства напряглись и нуждались в прояснении (позволю себе масло масляное, но по-другому не скажешь), я решила все испортить... и поводом к такому поступку стало твое пришествие на базу в Ступино... Долгожданная встреча поперек горла.

Завтра решающий день: я призвала тебя, соткав все грани до молекулярной точности оттенков и теней... спрятав все в малую точку... где-то глубоко – далеко... Я укладывала парашют, когда ты зашел в амбар... уже купила себе такую машину, как у тебя – Ауди а-6... Ты как всегда, в странной компании слишком земных... женщин. Может, это я тебя всегда зарисовывала слишком высоко, это только моя фантазия создавала тебя Божественным проведением... неземным созданием или ты бросал мне их в лицо как упрек моей вычурности?

Сейчас! Очень важно именно сегодня! Я хочу разобраться в этом раз и навсегда! Разрушить иллюзорные замки и созданных мною рыцарей... желаю наготы! Свободы! Я укладывала парашют, когда ты вошел в зал. Я почувяла твой взгляд на своих плечах и твое «нет» настолько зияло во всем, в движении, в походке, ты так боялся меня, моих проявлений, дикости... Кто же так тебя зацепил! Кто разрушил твое доверие к миру и людям! Кто явился твоим философским камнем... я теперь почувяла... Неуловимый запах той другой не твоей, но оставившей след, глубокий и гниющей... И ты уже не подпустишь никого, помыть и завязать рану...

– Ты прыгать? – спросила я.

– А ты что тут делаешь? – ответил ты... Мы оба знали все и просто улыбались, задавая глупые вопросы так и оставшиеся без ответа.

– Хочешь дунуть? Я уже отпрыгала, могу показать тут все.

Мы пошли в маленький, узкий, светлый и уютный вагончик, в котором мы с сестрой жили пока тренировались. Все стены в домике были увешаны нашими фотками или красивыми видами из журналов с нашими интервью, фотоотчетами соревнований по парашютному, и не только, спорту. Ты так и не понял, что это все было сделано специально для тебя, все это соткано для нашей последней встречи, потому что так невозможно умирать, каждый раз увидев тебя, на несколько недель или месяцев, даже лет. Ты давал мне тенденцию к саморазрушению, и я до сих пор только теряюсь в догадках, что же все-таки подвигло нас разлететься подальше и не встречаться более. Хотя ответ всегда один и тот же, любовь друг к другу затмила любовь ко всему остальному... ненасытная и все подчиняющая сила, кидающая нас в объятия...

Мы курили и... Мои желания меня краснеть упреком вынуждают...

И трудно так попридержать тот стон...

Что гибкостью из негой заставляют,

Изгибы изливать на лист бумаги...

И памятью прикосновений причиняют неудобство расстояний...

И не дают уснуть...

Так долг путь туда, где нежная игра все силилась отдалиться

И улетаю, не смогла расстаться, с тем, кто так долго хладен был

О боже, кто теперь поможет мне придержать мой пыл

До следующих свиданий?

Ну а теперь желание одно! Курить гашиш в распахнутые окна

И обдавать прохожих странным ритмом, мурашками по коже

И видеть, лицезреть как эти рожи, преображаются в красивое лицо.

Мой милый! Как же много расстояний!

Как долог день!

Как ночь длинна!

Зияющая тишина во мне кричит!

И светом брызжет та дыра, что сердце укрывает!

Мне мало твоего звонка!

И мало мне прикосновений!

Желание одно – пройти насквозь тебя

И не цепляясь за края, и не сломав не одного крыла!

Остаться рядом до поры, до срока, что не заставит утонуть,

И вовремя отправит в путь.

Ты не смотрел на меня... так пристально, что обдавало то жаром, то холодом твоей отчужденности и нашей откровенной не понятной принадлежности друг другу без ожидания совместного... без надежды на близость и единение... Мы еле сдерживали стон, безмолвный, но такой громкий и безнадежный, такой истовый своим пониманием того, что твоя и моя воля, как сталь острая и беспощадная к эмоциям, сбивающая в хаос. Мы, ты и я, понимая, что сбой контроля приведет к невозможному по силе срыву, к вечному, дикому желанию быть одним... И я поняла, что это последняя встреча в этой жизни! Что более мы никогда не увидимся. И стало спокойно и пусто, холодно и больше не хотелось ничего! Ты отвернулся, сдерживая

дрожь, я прильнула к стене, пытаюсь вдавиться в дерево, дабы не перехватить твоего взгляда, тогда бы ничего не спасло... И тут произошло нелепое, я поняла, что я сталкер, могу по-другому... Поняла, что по сути стараюсь за тебя, вместо тебя, не дать тебе же самому, причинить боли тягой быть со мной, но неверием в эту возможность... Повернувшись лицом, смотря прямо в глаза беспощадно к тебе, твоей борьбе не за что с собственными тараканами! Я пустила в ход все, обаяние, юмор, лукавство, выпуская все свои чувства, без демонов и желания чего-либо получить взамен... без всего того, что мешает наслаждаться всем, что происходит сейчас. Моя улыбка стала всепонимающим отражением произошедшего во мне сдвига, прозрения, произрастания в свою природу и принятие своего женского, со всеми вытекающими последствиями и, как неожиданно было подмечено, бонусами. Ты же, вскочив, как ужаленный, вылетел из домика раненым бомбардировщиком и стремглав побежал прикрывать свою слабость, имеющую тенденцию стать твоей силой, прикрывать ее земными девчонками... Мне стало легко и весело, свободно... но потом снова вернулось старое, фрустрация, иллюзии так просто не желают расставаться... неизжитое, якорем цепляя меня за дно, такое темное и тяжелое, такое глупое и беспокойное... безнадежное и искренне влюбленное в тебя, мой друг!

Но я уже это пережила... пролилась, просочилась теплой водой в самую узкую трещину миров. Теперь необходимое осознание догонит меня топором в спину... Что бы я не начинала, куда бы не убегала, всегда вижу и чувствую твое дыхание, совсем близко, рядом... усмирить свой разум и чувства, выполнить почти непосильную задачу, всеми частями вцепляясь за это «почти»... достигнуть гармонии, прийти к пониманию между своим «хочу» и «надо по-другому». Вижу путь рядом с тобой и понимаю, что должна быть благодарна тебе за все отраженное, но не отражаемое. Пока это понимание застряло комом в горле и раздробило кости от невозможности что-либо поменять. И снова в суицидально-опативное...

Нежелание жить здесь, преследует меня с самого рождения, с тех пор, как я помню себя, при малейшем неудобстве мне невыносимо хочется распуścić огромные белые крылья и улететь... туда, дороги куда не помню... нет ни ключей, ни знаний, что могли бы провести за горизонт памяти в страну моего истинного рождения. В такие моменты, а их огромное многообразное множество, начинаю чудить и иногда выйти из этих флипов или беганья по кругу, фрустрации, самостоятельно не возможно. В такие моменты я уже не понимала, что есть реальность... а где моя иллюзорная психоделика... только теперь знаю, что все это было необходимо для моей огранки и выточивания, того прямого и прочного стержня, что теперь соединяет во мне все уровни и планы.

6 ГЛАВА

ЧУДИТЬ В ДЕСНА, ДО КРОВИ

Небо – это такой ресурс, способный заменить все. Целый мир пустоты и высоты, и нет ни мыслей, ни внутренних диалогов. Только здесь, только сейчас. Это погружение внутрь своего самого глубокого и чистого. Небо меняет всех без исключения, как и вода, природный фильтр чистоты. Знаю тех, кому сложно с самими собой один на один, нужно прикрывать свою наготу и тяжело налегке. Но это пройдет, не сразу, не за миг, все расставится высотой на свои места, как, впрочем, и глубиной. Жаль, что мало таких практик в нашем вычурном, якобы цивилизованном обществе, где мы можем с детства прививать и возвращать в себя знание о том, что смерть неизбежна и важна. И что школа смерти такая же, как и школа жизни. В Тибете, Бутане, Индии такие ресурсы есть и люди там, по моему мнению не такие поверхностные, как основная масса тех, кто не задумывается (тут все – занавес).

Я читала книгу Роберта Свободы, про то как учатся, сидя на смашанах, не только те, кто следуют духовному учению, но и те, кому это кажется важным – местах сожжения (кремации). Они учиться принимать смерть как должное. Мне почему-то видется это важным аспектом человеческого обучения, ибо понимание хрупкости жизни достает изнутри нежность и заботу; может не у всех, но мы же не пробуем и потому – кто знает? Если мы сможем научить своих детей любить, то можно сказать, мы научили самому главному. Люди, умеющие любить, всегда смогут сохранить хрупкое и понять чужую боль, уважать любую жизнь, смерть. Но, к сожалению, паттерны поведения передаются как проклятая эстафета, втирается в поры, выкрашивают нас в серые цвета, и мы все, как сизые понедельники бредем вне своих дорог, дорого платя за чужие жизни в наших телах. Почему смерть? Да потому что она оживляет, как ни что иное. Разве нет? Так вот небо, вода, это инструменты возвращения домой, это пути в себя, это когда только шёпотом и до мурашек, чувствительность такая, что аж зашкаливает!

Мы тренировались с сестрой много, бесконечно с первого взлета и до самого «крайнего» (слово «последний» это – запрещенка). Не страх смерти, а скорее, понимание, что визуализация, проведение мыслей в звуки оживляет последствия сказанного! Потом лежали, долго не могли заснуть, хотя сил не было даже встать и выйти за сладким, обсуждая что еще мы хотели бы попробовать, какие эксперименты с фигурами мы завтра включим в программу. Не было учителей – ну и отлично, правил тоже не было, мы могли делать все что хотели. А когда попала в руки первая кассета с фристайлом, мы безотрывно катали и накатывали в небе все новое, что нашли там. Ясно помню колебания судьбы в пространстве, возможности другого пути... мой домик на дропзоне и наши прыжки с Русланом глаза в глаза. Когда в глазах партнера отражается закатное солнце – сюроромантика. Длинными вечерами, когда прощания такие громкие, что создают невозможность завязать разговор, и вы глупо улыбаетесь друг другу, пытаясь увести горящий взгляд в сторону, чтобы не сдавить или не быть раздавленными. Мы, живущие романтичным, одним днем, утопая в адреналине по самый третий глаз, мы влюбляемся как последний раз всегда...

В нем было то, что зацепило меня за тебя... неуловимая тайна... и невозможность вытянуть свою ладонь из твоей... со скрипом и лениво... но я же понимала, дура-дурой, но понимала, что хочу заесть боль – сладким никак, так хоть человечинкой... прости Руслан и черт поberi мой сарказм!

Ступени тронет легкими шагами твой образ,
Что ведет меня сквозь сны.
Подернется основа мироздание,

И слишком быстро побегут часы.
Основы мысли нежными словами разгонишь в стороны
Движением руки, и прочь и навсегда уйдут скитания
Мятежной непростой души...
И ясны станут все пути... и мысли.
Вдохнуть сияние, выдохнуть любовь,
Остановить бушующую кровь
И сбросить пульс до двадцати мгновений
Тех звений, что сливаются в одно...
Единой силой и любовью сыты,
Уже омыты и обриты наголо...
И вскачь... в галоп, прям с места!
Какая разница, какого теста?
И кто ведет, и кто ведомый...
Твое во мне, и я в твоём застряла...
И снова мало и мало...
И время так скоро, и полон дом гостей...
И зацепиться взглядом за твое,
Что тоже жить во мне должно...
И снова выдавить себя из дома,
Со скрипом оторвавшись от тебя.

Руслан жил с девушкой и чужим ребенком. И я не стала усугублять взаимную симпатию. Когда Руслан помог мне привезти, поставить мой маленький домик и когда отворил двери, показывая, что он сделал там полки и кровать... там было слишком уютно... темно... он был близко, все стало медленным, огненное облако окатило жаром... руки висят по швам, не способные тянуться, скованные чем-то извне... Не то, что необходимо сейчас, или жизненно важно, зацепить себя, дабы выжить и не сломаться. Но ломать не было нужды, желания; самодисциплина выплюнула меня в дверь, так как врать не хотелось, а отношение к отношениям у меня очень сложное стало, замысловатое и категоричное. К тому же я испугалась иллюзий собственных, упавших на Руслана как снег на голову. Скорее всего эти эмоции явились лишь попыткой вытащить себя из тебя, друг мой... а потребительство, ненавижу! Чтобы меньше краснеть при встречах, я переехала в Ступино и стала прыгать там.

На работе произошел тяжелый инцидент: парень, которого я так долго «кружила», который имел прекрасную чуйку на мою блондинистую глупость, никак не мог оставить меня в офисе одну, его кабинет всегда был закрыт. Наконец-то, спустя месяц проверок на всевозможные лады, сдался с потрохами: мы, попав к нему в загородный дом, провели прекрасные выходные, катались на великах, плавали наперегонки в озере, даже объехали местность на лошадях. Мне удалось достать нужный ресурс. Это как раз тот персонаж, с коим у меня возникало желание бежать сломя голову от всей этой игры в прятки-пряталки.

Т. в несколько дней, потеряв все и попав в довольно неприятное положение после исчезновения диска, папки с важной информацией, вылетев на мотоцикле на встречную полосу, разбился вдребезги. Игорь успокаивал меня, внушая, что тут нет моей вины, что я просто выполняла свою работу и не имела понятия, как обернется для Т. вся эта ситуация. Игорь даже пустился во все тяжкие, вытаскивая мой непрофессионализм в этой ситуации на поверхность.

– Тебе он нравился. Давно нужно было поставить туда другого человека, и я, честное слово, пробовал, но никого кроме тебя он не пускал. Все так, как необходимо!

– Да кому необходимо?! Тебе? Твоим хозяевам? – слово «хозяева» я подчеркнула особо.

– Я могла бы быть счастливым человеком! Человеком, Игорь, не марионеткой, и не тварью, и не кем-либо, черт знает, чем! Я убила его и, знаешь, он все знал, он все понимал с самого начала. Не мог такой, как он, обладая его качеством и скоростью интеллекта, быть дураком, приведшим меня к себе, хотя бы ввиду моей тупой настойчивости. Ему было скучно, и он хотел поиграть...

– Наигрался, – сказал Игорь. – Он перестал быть ведущим в этой игре, когда повелся на тебя, запросив у нас твое досье через своих людей. И мы, конечно, подсунили подчищенное, только то, что не оставит равнодушным, заманивая в красивую ловушку изящными деталями яркой девушки.

Меня накрыло со страшной силой, я несколько дней просидела в текиле и гандже, но в себя так и не смогла прийти. Пришло понимание, что все это не игра, я разрушаю не только чужие дела, но и жизни. Каждый раз, закрывая глаза, видела его лицо, улыбку, сверкающую «вампирами» клыками... синие-пресиние глаза... теплые влажные руки, чересчур мягкие для мальчишки. В общем, он меня не покидал ни днем, ни ночью. Игорь сказал, что я могу сама ему набрать, когда буду в норме, и что в том же С. как и всегда, меня ждет бонус за хорошую работу плюс прибавка на расходы во время «отпуска». Не помню, что там еще он мне наплел, ясно видя, что я все уже для себя решила, просто кивала в такт его речи... И неожиданно, безапелляционно захотелось честности во всем остальном. Во всем! Возможно это тоже повлияло на мое решение: не принимать внимание Руслана. Это показало хрупкость и нежность чужого мира, незнакомого мне, непонятного... таинственных колебаний чужой души... К тому же я не любила его, на столько чтобы быть рядом... И тут, с этого момента начало меня поглощать воспоминание, кем я была, когда жила на Дальнем Востоке, и во что превратилась, что делаю в действительности. Что стало с пытливыми поисками моим духом Бога? Я знаю, что моя чистота есть то забытое, пропавшее, нет, уснувшее и пробужденное диким и неистовым криком разорванной в клочья души... растоптанного духа... я не знала, что восстанет из этого пепла, боли и крови... сумасшедших снов и убийственных грез... я боялась этого монстра, что жил во мне и боролся за обладание мной... Но восстала из пепла любовь и раскатала меня по миру, растянула мою душу и возродила дух, расширив нас до бесконечности налаживающего новые импульсы с самыми потайными уголками... И нечто темное, проходя сквозь меня, не может зацепиться за любовь, остается только любовь... Так я думала, пока умом, не понимая и не слушая своих речей сердцем. В чужие желания попадаешь и, застревая, мотаешь все новые и новые круги... Двигаться без цели и желаний так легко и просто... Так нежно и неожиданно... улетаешь с птицами и возвращаясь... не расставаясь с собой. Каждое желание идет вразрез с моим путем... и я более не желаю расставаться с собой, я возвращаюсь домой... долгой дорогой в раздумьях и грезах, которые, проходя насквозь, не оставляют ни памяти, ни следов... Там, где обычно сны сгущаются и тени начинают двигаться быстрее, замирая от слепого дыхания... там, на этом месте, образовалась пустота без тошноты ожидания и комка недосказанности в горле... тупая и нудная пустота...

7 глава

Глубоко в материальное, перед прыжком в новое

Мы открыли свой центр на Р. шоссе – «Б», создав практикум нетрадиционной медицины, в котором полностью подбирали под своих клиентов интересных инструкторов. Под названием, сначала «Индиго», затем «Центр Развития Человека». Тогда это был один из первых йога-центров, но надежна на «золотой град», она же фантазия над иллюзией, затем фрустрация... Спасал чай, мы варили и продавали прекрасный китайский чай и сами буквально торчали на нем. Но наши «чайники», были с нами не долго, совершив затем переход в достаточно известный клуб «Г». Мы же хотели расширяться, а ресурсы были невелики, и плюс, постоянные переезды в новые помещения по воле арендодателей, которые повышали цены после каждого ремонта.

Мы попали на деньги. Л. сказал, что это не вопрос, мол, помогу с долгами, и уплыл в неизвестном направлении... Но меня это не удивило, хотя положение было скверное. Все шло из рук вон плохо, а помощи попросить я не могла и не умела. Признаться в своих слабостях – ни за что! Хотя теперь понимаю, что намного труднее было сказать, что мы закрываемся, чем: «ребята, давайте сделаем вместе что-то, что может нас спасти». И сдать бы бразды правления тому, кто лучше понимал в финансах и организации. Гордыня и гордость лишают нас рассудка в те необходимые моменты мудрости, когда еще можно не пуститься в карьер всех тяжких. К нам приходили интересные люди, больше друзья, чем клиенты, и все помогали нам, как могли. Я до сих пор каждый месяц думаю, что хотела бы их отблагодарить за помощь, раздать долги... но как-то с деньгами становилось все хуже и хуже, потом их вовсе не стало. Не понимаю, на что и как мы жили, но денег было столько, сколько нужно на незамысловатые нужды, порой и меньше того. Можно было купить чаю, но на сахар не наскрести. Мы же, все списывая на проведение, говорили сами себе, что все для нашего развития, все так, как необходимо... А гоняться за деньгами не было ни привычки, ни желания, да и интересы другие! Мы жили иными категориями, аллегориями и качествами! Это было время аскез и разных практик. Мы доводили тело до полного истощения, а волю накаляли как сталь...

Я вернулась к аферам и вернулась к изучению магии и эзотерики, также истории и религии, психологии и тому подобным. Мое забытое психологическое образование нуждалось в возвращении в мою голову, забитую ерундой. Понимание еще в институте, что психология без духовных практик суха и одномерна. Почитывая юнговские алхимические труды, освежая память, в которую вбивалось все связанное с психикой на протяжении пяти лет, ожило и расцвело дивными открытиями в самой себе. Все пространство было заставлено книгами. Тогда интернета, открывающего информацию обо всем и сразу, и в помине не было для меня. Когда встречала ссылки на другие источники, приобретала их, в печатном виде, уменьшая с каждым днем количество жилого пространства. Все те труды, которые я искала, оказывались редкими, дорогими книгами, но «ни одно желание не дается нам отдельно от силы, позволяющей его осуществить», говорил Джонатан Ливингстон. И появилась возможность поститься и учиться, заниматься практиками и йогой. С трудом доставаемая из дома, я читала, везде делая заметки о главных эмоциях и мыслях. Глотала многотомные рукописи, тексты, труды, как шоколадки. Все смешалось, все текло своим потоком времени. Я отмывала чужую квартиру, как Золушка, тянулась (тогда йогу называла так) и читала, забывая поесть. С попить было интересней: черного пуэра из «Б». осталось много, и я упивалась хорошими чаями. Все, что приходилось делать, это «просматривать» бизнес странного человека и направлять его действия, соответственно видению. Не сложно, но периодически получала по шее из потустороннего мира.

Мне удавалось всю жизнь просто относиться к боли, пинкам и пощечинам – надо, так надо! Все было совсем прекрасно, я была предоставлена самой себе. Ночами гуляя с плеером по столице, не испытывала необходимости в людях! Пока я не очнулась и не поняла, что это чужая какая-то история, мне нет необходимости драить чужую квартиру пустую и страшную, да и вообще я засиделась в себе, возможно, я себя наказывала за тот инцидент с мотоциклом. Перестав называть его по имени, от этого становилось легче, тогда он становился просто гонщиком, погибшим в аварии.

Чуть выйдя из своего самоистязания, познакомилась с шарманкой из Сибири – Мирой, сначала была подмастерьем, принеси-подай, иди нах, потом работала с «простыми случаями» ясновидящей еще год. Она поразила меня своей без эзотерической и очень природной простотой во всем. Объясняла ли она прошлое, помогала ли выстроить будущее – всегда легко и просто, ясно и логично. Она провела, вдохновила вспомнить прошлые воплощения, дабы яснее понять частые и невероятные по силе приступы ярости. Я же поразила Миру тем, что увидела ее отца и деда, рассказала об их жизнях, смертях, они тоже были шаманами. Это зацепило ее. Еще она подарила мне пять дней все-виденья и всеслышанья, страшные и незабываемые дни и ночи... поразительно страшные по силе эмоций, накалу шкалы восприятия. Тогда я впервые не смогла вынести всего увиденного, до того момента всегда думала, что нет в мире невозможных вещей! Я и сейчас думаю так же, правда, качественный опыт этого понимания изменился в разы. Так как урок про «Мы» не прошел даром и не стерся из моей нездоровой памяти.

С Мирой я как раз познакомилась перед глобальным переездом в Дахаб. Как всегда, на выходные, улетаю туда, где глубина, и синего больше чем серого, но в итоге, забив на обратные билеты и зависая на Лайте на неопределенное время.

Как-то утром, я вдруг проснулась, поняв: «мне срочно нужно в Москву на пару дней». Ясности своих решений и действий не было совсем. Сестра пожалала плечами, тем самым благословив в путь. Виденье пути и слышанье того, кто нашептывает нам правильные решения, как всегда не подвело. Моя подруга Наташа, собираясь стать супругой нашего знаменитого хоккеиста, сидела на чемоданах, ожидая поездки на те самые затонувшие острова в Таиланде. Подгребая Наташу в охапку, заодно заехала к Мире, которая велела мне вырезать из вполне обычной белой бумаги нечто похожее на снежинку, затем положила листок в восточный угол, а меня поставила на него.

– Чувствуешь что-нибудь? – спросила она.

– Ммм... да не... т вроде, – ответила я.

Тогда Мира отогнала меня в сторону, переложила мою «снежинку» на пару метров выше, затем посмотрела не меня и вернула ее почти туда же, где она лежала, но другой стороной.

– Давай, становись!

Она ушла в другую комнату, я стояла как дура на «снежинке», злясь на себя, что пришла не понятно зачем, только время потратила... Меня оборвал на полумысли новый процесс внутри. Внезапно у меня потекли слезы в два ручья, начало мазать и размазывать по оранжевому ковру... Мира, улыбаясь, вошла в дверь и остановилась.

– Все хорошо! Постои и понаблюдай свои настроения и эмоции.

– А сильнее будет? – спросила я, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну, не знаю, увидишь! Разве тебе самой не интересно?

Открываю глаза, и вновь закрываю.

Комната проваливается в вязкость сжимаемого пространства... Тяжелая картина, даже для моих глаз. И разум как всегда спасается бегством... отдаваясь в плен событий, давно канувших в небытие... Ее воля, смеясь над нами, заставляет служить, как плешивых болонки на коротком поводке властолюбивого хозяина. Темные, выжженные изнутри, нелепые высокие здания, как духи, нет, скелеты прошлого, длинными зловещими колоннами украшают безлюдные улицы. Темные глазницы окон как будто отслеживают все мои мысли, лишь несколько

на последних этажах горят уютным, видимым светом обжитого пространства. Это мои верные воины заняли позицию и «включили» приманку. Обрубки крыльев болят, кровоточат, жгут, выжигают мою природу огненной обидой!

– Доигралась, – сказал Таймур, выходя ко мне из леса, на опушку.

– Ты же знаешь, ты не можешь летать, когда и куда пожелаешь: полеты ночью запрещены, если это не бой. Тебя могли засечь темные и слить свое сознание с тобой, это, естественно, не так страшно, как-то, что они могли увидеть через тебя, все, все, что знаешь ты. Заметить их подключения совсем не... – не дав ему закончить я метнула такой испепеляющий взгляд, что самой стало смешно. Таймур все-таки решил закончить улыбаясь.

– Даже АтинНа не всегда способна распознавать След.

– Ну, зачем же рубить-то?! – с детским, искаженным обидой и непониманием лицом, спросила я. Мне было больно, но не достаточно весома, чтобы отвлекаться от задания.

– АтинНа знает столько изощренных возможностей причинить боль. Теперь я должна бежать в иное, зализывать раны, отращивать крылья, а там совсем не увеселительный городок, встречающий тебя с распростертыми объятиями. Шкала Теней – неприятное и жуткое место.

– ТумМе, мы оба знаем, что там-то ты окажешься в последнюю очередь... хотя... все возможно, с тобой и твоим умением находить себе приключения на... – глянул исподлобья, усмехнулся и продолжил.

– Ты не подчиняешься никому, и твоя видимость покорности просто смешна. Ты своему голосу разума не подчиняешься, тем более АтинНе, а она – Наследница, она видит сквозь время и пока не догадывается, что кровь в твоих венах, что она уже не одна, не единственная... Чувствует все это, но пока тебя прикрывает, не понимает, откуда След, чей он. Он говорил, накладывал остатки целебного бальзама на все, что осталось от моих крыльев. Его гладкие перья цвета сухой земли, даже скорее пыли, двигались в такт его кистям, как будто поигрывая на невидимом инструменте.

Таймур – прекрасный и сильный, не смотря на свое невысокое происхождение, он воин. Когда-то давно ему за смелость предлагали взять тридцать воинов, поговаривают, что даже больше, но он отказавшись, предпочел остаться под моим командованием. Сказал, что командовался в свое время и еще будет возможность. Своей тяжелой, но бесшумной походкой ходит за мной, не давая надеть глупостей. Он – моя семья, как и все воины нашей небольшой команды.

Несколько Темных группами проникали в нашу долину, оставляя следы взломов, прикрытых заклинаниями. Мы должны были выяснить, что же привлекало их, что они рыскали, совсем потеряв страх...

СетТа и КарРа – близняшки по рождению, вечные подруги, вышли из леса, направившись к нам. КуртТ (ВитТ и не смел) тоже, крадучись словно вихассы направлялись в нашу сторону. Не хватало только СетТа!

На включенный свет-приманку пока никто не полз, не летел, не выл, так что оставалось сидеть тут и ждать. Верный себе в своих побегах в горы или другие укромные уголки, СетТ искал места силы, впитывая, можно сказать даже, всасывая ее из планеты АккаШш находя ключи, оставляя в каждом по соединительной нити, способной перебросить его туда из любого места. Также имея возможность питаться и питать нас энергией, когда на еду не хватает ни времени, ни желаний. Да и в момент боя с перевесом сил не в нашу сторону, много раз выручал своими находками магических возможностей вытянуть из того и вынуть в другом. Никто не знает его и мало кому удалось говорить с ним вне нашего круга. Молчаливый темный, нам всем, не раз приходилось доставать его из невероятных дебрей и невиданных измерений, зачастую созданных им самим. Вот уж кто-кто, а СетТ мог соревноваться в притяжении «странных приключений», со мной.

ВиТт и НесмМер похожи как две капли воды, хотя узнали о существовании друг друга всего тринадцать лет назад при переходе на этот уровень восприятия. Оба коренастые, пахнущие силой, мощью, с хорошо очерченными губами и ровными прямыми носами. Глаза укрывали длинные пушистые ресницы, разными были только манеры и походка, но под взаимным влиянием они менялись, становясь почти близнецами. Многие воплощения рождались и еще будут рождаться, имея общую карму, и только в этой они перестали кромсать один другого. Теперь они знают свои задачи, могут простить старые обиды посрамить чертей прошлого. Со стороны странная команда из четырех «близнецов» выглядела совсем нереальной.

Это новый уровень восприятия, куда ринулись все, после разделения. За власть в нем идет война. Уже давно никто не понимает, с чего не перейти в иное, отчего не поменять волну? Раз мы такие легко скользящие, имеющие возможность менять реальности как перчатки. Но тут уже не за уровни, а за контроль сознания, развернулась битва не на шутку, подчинение без границ и граней. Выход за границы границ, движение без этажей... каралось теперь законом... «свобода выбора» стала жаргонным словом... слепое племя сбежавших магов, ставших армией... Черт их знает, что случилось с остальными, не примкнувшими к нам.

Знаем только одно, что этот уровень Темных мутировавших тварей, в которых обратилась большая часть властолюбивых смертных, которых мы как чуму, прихватили с собой... на память что ли?.. наверно, чтобы скучно не было...

Преображая внимания из точки по кругу и так далее. Наши предшественники использовали свое восприятие и интеллект, также мозг на такой ничтожный процент, что и подумать страшно. Но это, наверно, их тенденция – забывать все, перерождаясь на новом витке или, как принято, уровне. Возможно, это был их осознанный выбор, и никто уже не помнит реальную историю открытия новых возможностей и пришествие озарения в кругах непосвященных. КурРт, в отличие от невозможно дикого СетТа, обладает прекрасным чувством юмора и, что не маловажно, чувством меры. И нет никого ни на этом, ни на других планах, кто бы искренне не был влюблен в него. Худощавый, но в меру, с длинными конечностями, хорошим сложением, особенно широкими для его худобы плечами и сильными, пластичными руками.

Он мой старший брат по духу, и его легкость окрыляет нас всех, в прямом и переносном смысле. Мы все с детства учимся владеть своими мыслями, внутренним диалогом, так как почти каждый умеет читать чувства. Потому, все свое гнилье мы проживаем в одиночестве, либо в Храмовых школах близ планеты Оракулов. Когда ты настолько привык, что тебя все время считывают, то становишься чистым как лист бумаги или же смеешься над мерзостью, не изжитой тобой, вместе со всеми. Мы зрим ложное влечение и сильные чувства, мы способны проживать их все разом, не вступая в физическую часть происходящего, это как сны или медиация. Хорошие видящие могут менять любые сны на любых планах, не только свои, но и чьи угодно. Так вот, мы способны различать влечение, желание или реальные чувства любви, имеющие силу творить чудеса, преобразовывать личности. Почему мы так ярко чувствуем только «своего человека», почему мы ищем свою тень, дабы соединить себя с нашей противоположностью... или остаться в одиночестве, что тоже не плохо...

Я часто задавалась этим вопросом, понимая его каждый раз по-новому, на следующем витке событий...

КурРт, СетТа и КарРа образуют магический треугольник такой мощной силы, что подобного нет ни на одном уровне. АтинНа не раз пыталась переманить их в свой принадлежащий королевской касте отряд. Но в мой клан собралось странным образом все личности, лишённые природы подчинения или послушания, наверно, поэтому нас и отправляют в самые дебри ада или адов... дабы поскорее избавиться. Но мы выживаем, самым странным образом, назло всем, хватаясь за неохватное, изобретая невозможное, подчиняя дикое. Как еще называют в народе, треугольник творчества, света и юмора.

СатТа и КарРа полные противоположности мне и моим стальным мышцам. Всегда восхищали широкие бедра в женщинах, живот без пресса, руки без трипперов, наверное, потому, что являлась ярко выраженной грудой мышц, а сама всегда желала утонченности, гладкости, гибкости природной, не добытой ежедневными тренингами. Обе полногрудые, пышнобедрые, с узкой талией и длинной шеей, тонкими кистями и точеным профилем. Яркие, рыжеволосые, небесные апсары, невероятно прекрасные и столь же опасные. Они были когда-то драконьими наездницами, первыми лучниками, пока Темные не вырезали весь их род. Рыжеволосые близняшки разорвали нескольких Темных голыми руками, с их гладкой и тугой, сродни драконьей, кожей, было не по силам многим опытным бойцам. Даже после своей смерти, Темных мы могли рубить сталью любого металла, нанося удары по одному и тому же месту, не оставляя ни следа, ни царапины. Зарубить и уничтожить Темного можно было лишь вынося его на другой уровень. СатТа и КарРа посвятили себя призракам прошлого, душам своей семьи, требующей ответа за истребление рода.

СетТ спорхнул с тисовой ветви прямо на нас, мы молча сидели на траве возле небольшой речушки, впадающей в озеро. Уйти от домов-призраков была идея СетТа, а создав видимость нашего там присутствия, мы обеспечили себя свободой, временем побыть в тишине. Подумать, прийти к решению, как дальше сражаться, осмыслить, за что именно мы воюем-то. Не за свое, это точно, а тогда за что? Металлы, камни, власть? Может, мы ничего другого не умеем? Как так вышло, что наша высоко цивилизованная раса раскололась надвое, Темные, такие похожие на преданных нам Эмиссаров. Многие вопросы уже вцепились в ответы, впились в них, но нас гоняли, ограничивая время на раздумье, отслеживая наши домыслы, не давали разобрататься в происходящем до конца. Наследница сковала нас своей бдительностью по рукам и крылам. Не давая возможности летать свободно. Как СетТ умудрялся совершать свои полеты лунными ночами, не засеченный всевидящей, оставаясь безнаказанным, даже если бы рухнул с небес прямо на ее шатер? Я, конечно, догадывалась, что тут дело не чистое. Но уличить его в связи с волшебницей – нет! Это выше Тиса. Он подплыл к нам своей гибкой, изящной походкой. Несмотря на немалый рост и размеры плеч, он прекрасно двигался с легкостью хищного, дикого зверя, и его угловатость не мешала грации. Узкое лицо с высоким лбом и небрежно, словно тупым мечом, остриженными волосами. Раскосые дикие глаза, большие и ясные, неопределенного цвета, губы с искривленной ухмылкой, яркие белые зубы еще ярче сверкали своими аккуратными клыками на фоне смугло-красной кожи.

Во всем нашем «диком» отряде самым ярким, все же была не я, возможно, к счастью. Всегда думала, что он ненавидит меня, пока не узнала, что в наш отряд он перевелся сам, по собственному желанию, из странного города на границе миров. У рыжих возникла мысль, что он шпион, присланный следить за нами. Но постепенно все привыкли к его выходкам, пришло понимание, что он не способен подчиняться никому, тем более на кого-то работать, да еще тайком. Понятно, что он – темная лошадка, но интуиция не могла подвести стольких людей, спокойно дышащих в его сторону. Его настроения и цвет глаз менялись, радуя разными оттенками. Ухмылка заменяла улыбку и рука на плече – объятия. Темную кожу оттеняли темные крылья, с пепельным вкраплением ближе к краям, иногда их цвет менялся до иссиня-черного. Как он это делал, никто не понимал. За все несколько столетий, что я помню его, мы понимаем друг друга с полувзгляда, с полуоборота головы, за такое знакомство можно отдать многое, особенно на поле битвы, где каждый миг и жизнь и смерть танцуют вместе.

Молчаливый СетТ может часами болтать только с ФрейИ, длинной, тонкой как игла, таким же языком, но яркими живыми глазами и бесконечной шеей. Она появляется в любом месте, требуя его внимания. У нее быстрые и легкие, цвета морской пены, крылья, стремительные, такие же, как ее ум. Но ФрейИ – странница, скользит по мирам вдоль и поперек, не привязываясь, не задерживаясь. Мы все и всегда с немым восхищением смотрели, как она достает из иногo все, что заблагорассудится. Как прекрасна и ясна, немногословна ее речь, как все, это

складывается в понимание того, о чем она вещает. Иногда меня захватывало желание учиться этому искусству, но со временем эта опция открылась, развилась сама собой. В силу неприязни самой ФрейИ ко мне, не только об обучении, но даже о простом кивке СетТу не могло быть и речи, она гневно, раздраженно отвечала на мои вопросы, встревая меж нами. Только важный, долгий взгляд СетТа заставлял выдавливать из себя ответы мне, выказывая видимость учтивости, но они все равно за версту несли запахом тухлятины. СетТ подошел ко мне со спины и ткнул пальцем в окровавленный обрубок.

– Ты даже не представляешь, – сказала я, – но моя ярость убила все разнообразие болевых оттенков в этих ранах. Он нежно положил ладони, не отрывая от меня взгляда. Массивная рука Таймура отбросила минутное облегчение, проходящее ко мне сквозь его пальцы.

– Наш путь сегодня к шатру Наследницы. ТумМе, ты можешь отрастить крылья после. Да, это позорно прибыть во главе отряда без крыльев, но так будет спокойней всем нам. На наши выходки и так смотрят косо.

– Я могу их отрастить и перекрыть, только ты будешь чувствовать их, более никто. Ты мне веришь? – сказал СетТ.

– Да, СетТ, ты же знаешь, что тут не в доверии дело! – ответила я.

– Ладно, дай подправлю, – он промокнул ладонями все, что осталось от крыльев, они перестали кровоточить.

– Если желаешь, Тим, – имя Тима СетТ выделил особенно, подчеркивая недостаток заглавной буквы в конце, указывающий на низкое происхождение, – могу...

– Все, нашутились и пошли, – сказала я официальным тоном, – никто не вышел на нас, торчим уже тут как проклятые, видимо свалили отсюда. Скользят сволочи и быстро скользят, не засесть.

Наши прекрасные рыжеволосые девы, а также ВитТ и НесмМер отправились выкупаться в реке и надеть доспехи. Тим полетел к озеру, кивком пригласив с собой КуртТа.

Таймур прибыл из теневых областей галактик, не помнил, кто он, откуда, не помнил своих предков. Но такое случалось: в виде мести потомку удаляли память, перекрывая выход в нее через что-либо, кроме воплощения на Земле, где была возможность вспомнить о своем происхождении. Это делалось во избежание кровавой мести. Но к такому Земному возвращению памяти прибегали редко, ибо, попав на Землю, никто не мог удержаться от разных соблазнов, тем самым наработывая карму и дополнительные воплощения, постепенно теряя память о своих задачах.

Тиму было хорошо там, где он был. Стройный, с подчеркнuto хорошей осанкой и воистину царскими манерами. Карие, почти черные глаза, хорошо нарисованные природой на ровном, сияющем мягкостью характера лице. Красные небольшие, но красивые губы и ровный тонкий, нос. Длинные волосы, собранные в пучок, оставляющий свободными лишь несколько прядей. Всегда приходящий вовремя, а главное, вовремя оставляющий тебя в покое. Незлопамятный и очень терпеливый.

Я поплелась к устью реки, ближе к деревьям, хотела побыть одна. Но тут, подхватив меня со спины в охапку, СетТ взвился вверх, замерев в воздухе на высоте двух слонов, он отпустил меня, и я, крутанув пару флягов, вошла в воду.

– Не вижу причины твоему веселью, СетТ, это глупо, грубо и на тебя совсем не похоже.

– ТумМе, я поговорю с тобой обо всем этом позже, и прости, но ты, по-моему, знаешь причину моего веселья сама. – подмигнув, он оставил меня в покое качаться на зыби, от легкого ветерка в теплой воде.

Обычная одежда состояла из мягких хлопковых платков, подхваченных под грудь или на талии металлическими вставками и ремнями. Еще все мы, обладая силами, всегда держали при себе, на себе камни разношерстной ценности, огранки и качества.

Выкупавшись и облачившись, мы встали по всем направлениям, образовав шестиконечную звезду или Меркабу: долговязый, худой, бледный ВитТ – Северо-восток, СатТа – Юго-запад, коренастый НесмМер – Северо-запад, Юговосток – рыжая КарРа и, конечно, Таймур – Восток, СетТ – Север, я – Запад, КуртТ – Юг. Зеленоватая вспышка отправила нас по лабиринту Иного к шатру Наследницы.

– Она ждет, – доложил Эмиссар, – тебя одну. И указал на меня длинным черным пальцем.

Я окинула взглядом ребристую местность на огромном плато, лишенном леса, да и вообще не изобилующем порослью. Эмиссары – интересные существа, очень похожие на темных, но в отличие от тех, они добродушны и привязчивы. Если им помогать после закатной болезни превращения в суккубов, то они с благодарностью служат. Они – воины, вылитые словно каучуком, гладкие, пластичные. И кожа почти не пробиваемая, кроме нескольких мест, у каждого клана, это индивидуально. Огромные щенячьи глаза позволяют сразу отличить, кто перед тобой – Эмиссар или Темный странник. Их перепончатые крылья более изящны и легки, чем наши.

Есть еще одна особенность: нет предела их верности тому, кого они видят первыми, открыв глаза после появления на свет. Про Эмиссаров говорят, что они принадлежали к одному древнему племени БореЕв, но опыты в потустороннем мире, в совокупности с неправильной трактовкой алхимии, дали странную реакцию на Луну. С тех пор они обязаны проходить трансформацию каждую полнолунную ночь. Потому каждый Эмиссар должен быть закрыт и привязан в ночь, на полнолуние особенно, кроме того дня, когда полнолуние выпадает на день голубя или шестнадцатый лунный день, тогда они свободны от Лунных чар.

Я слегка толкаю НесмМера под локоть и смотрю ему в глаза пристальным взглядом, давая понять, что там «все в порядке и не о чем беспокоиться, но все равно будьте на чеку» и вхожу в шатер. Растянувшись на высоком стуле из тростника, хозяйка простого, но со вкусом обставленного жилища, встречает меня лукавой, игровой улыбкой.

Фантастически красивая женщина неопределенного возраста, с необъятными знаниями и чудовищным спокойствием. Смуглая, с косами, подобно змеям, ниспадающим до голени, раскосые глаза, смотрящие в бесконечность и меняющие цвет от небесно-голубого до ядерно-оранжевого. Невысокая обладательница гибкого тела, с узкими бедрами, но хорошей высокой грудью, подчеркнута выделенной тугим металлическим доспехом, в большей степени напоминающим корсет (элемент роскоши), чем защиту живота. Несколько запястных, вытянутой формы браслетов, думаю, это тоже части обмундирования, ножные латы дополнялись обилием камней, изумрудов и янтаря. Это все было надето на кремово-сиреневую тунику, скорее оголяющую, чем прикрывающую тело. Это цвета Сириуса – ее и моей планеты по Роду. Роскошная, стремительная, непредсказуемая, видящая, холодная, расчетливая, – все ее качества делали АтинНу страшным противником.

Она рассматривала меня как предмет неодушевленный, будто решая, что же со мной делать: вынести на свалку или починить. Когда молчание стало просто невыносимым, она подошла ближе, обошла меня вокруг, слегка касаясь рукой живота. Мы обе знали, что все давно решено, все, что требуется, это посвятить меня в процесс.

– И давно? – спросила она, покачивая янтарными крыльями.

– Два месяца и неделя, плюс минус пара дней, – сказал вошедший из ниоткуда СетТ.

Я опешила, но, зная и «видя» его, не стала делать скорых выводов.

Он обнял Наследницу и лениво поцеловал ее в губы, АтинНа прильнула к нему всем своим гибким телом, извиваясь как змея, крылья трепетали.

– Живот будет замечен еще не скоро.

– Ты же видишь будущее? – смотря на меня в упор больше констатировала факт, нежели спросила Наследница. – Я с той же планеты, что и ты, понимаю, что не все Дома были уни-

чтожены. – она указала своим маленьким трогательным пальчиком в сторону нашего общего друга и поманила его к себе. Такая фамильярность с СетТом?..

– Я не враг тебе! Но и не горю желанием быть другом, потому скажу правду, которую ты и сама знаешь, и сделаю все, о чем за тебя просили те, имен которых не произносят.

Я смотрела сквозь нее на ту правду, которую она изливала на меня с избытком винодела. СетТ же был «послушным мальчиком», стоял рядом и кивал.

– Он никогда не будет с тобой, а ребенка заберут... туда и те, чьи имена не изрекают без необходимости. Ни ты, ни я не способны идти туда. БахумМи, пока он не проснется от Сновидения Оракулов, будет молчать, да мы и не знаем, как он может помочь, если даже способен очнуться. ТумМе, связь между вами была невозможной, и то, что она свершилась, эхом прокатило по многим мирам. Мы не уверены и теряемся в догадках, как это отразится на всем ходе вещей. БахумМи – из других измерений, в которые даже Оракулы не могут попасть без разрешения. Он может обитать во многом и во многих. Для нас он – Бог! Ты любила Бога, это не удивительно, но странно то, что это оказалось взаимным, но это не защитит ни тебя, ни ребенка, и твоему Богу это боком выйдет.

СетТ подошел к Наследнице со спины, ухмыляясь своей страшной ухмылкой, нежно коснувшись пальцами ее шеи, поймал АтинНу за мгновение до удара об пол.

– У нас несколько мгновений, которые я растяну по возможности. Если тебя не телепортируют сею же минуту, то времени на подготовку будет достаточно, но на всякий случай, слушай внимательно. Она предложит тебе уйти на Землю и забыть все, кем ты являешься. Забыть нас, забыть... ты согласишься, не споря, иначе мне уже не спасти никого. Но ты выступишь на том, что ребенок родиться на этой планете, в этом измерении. Я верну тебе твои знания вовремя. И буду давать зацепки, способные вернуть тебе твой уровень сознания и восприятия. Покажи левую руку, – он взял меня за запястье и накинул браслет, который впился в кожу и исчез под ней. – Сожми три пальца, оставь два: указательный и средний, подними руку вверх, сосредоточься, видишь затемненную полосу?

– Да...

– Нащупай уплотнение.

– Ага.

– И рви пространство...

Мы смотрим на зияющую дыру в пространстве, коробку размером со шкаф, полную разных предметов, включая прекрасные доспехи, крема, мази, снадобья, оружие и прочее...

– Это мой дар и Его тоже. Где бы ты не оказалась, это будет всегда в твоей памяти. Твое тело будет помнить больше твоего разума, но покоя не будет, щемящая, душераздирающая тоска не даст тебе ни спать, ни наслаждаться... Боль от потерянной памяти, неустанно последуют за тобой даже в преисподнюю... но скоро сама узнаешь.

Он подошел к АтинНе, поцеловав, поставил на ноги.

– Ты неотразима... – сухо сказал СетТ, даже не повернувшись в ее сторону.

«Как же слепы все, кто сражен недугом любви», – подумала я, понимая, что она приплетет это к моей истории... Наследница, как ни в чем не бывало, продолжала вещать, но я уже не слушала ее, я была там, куда она меня направляла, прозревая и ужасаясь.

Воспоминания:

Тебя нет, значит, меня нет, значит, ничего нет...

И только вечность будет помнить тот миг,

Когда ты спас меня,

Ворвавшись в мой мир,

Разорвав вдребезги мое понимание.

Голоса в моей голове стали безмолвными,

Силы слились с твоими,
Оголив внутреннее и разорвав внешнее,
Ты забрал мое безумие,
Я обрела твоё спокойствие...
Ты видишь, миры перевернулись,
Золото заменили серебром,
Мы стали поклоняться разным богам:
Ты – Солнцу, я – Луне.
Ты выпил все темное, ведя меня
Играючи между сосудами бытия,
И я почти сгорела в твоих огненных сферах.
Я чувствую себя голой без моей тьмы.
Но понимание вещей еще не делает тебя хозяином над ними,
Определенность не искушает меня,
Мой разум не живет в одном, этом измерении,
Он не вмещает все те миры, которые поносятся сквозь него,
Он соткан из них... Он живет ими.
Я помню, как держать меч...

Я помню сладкий, едкий запах схватки, моя рука тянется за оружием каждый раз, когда чую несправедливость... Вижу картины пустого поля после битвы, вкус и запах крови, пряный, пьянящий... аромат тления и разрушения...

Помню понимание того, что каждый был чьим-то сыном, отцом. Дикую тошнотворную тоску об утрате боевых товарищей... Как боль от ран постепенно вымывает адреналин и становится острой и монотонной, постоянной...

Помню запах пыли в самые первые капли, как, нарастая, дождь смывает и пепел, и кровь, и липкий едкий пот...

Я помню твой запах, вкус твоей кожи, теплоту твоих объятий, их силу и нежность... как ты смотришь на меня... Никто так не видит меня, как ты. Я так искала его, твой взгляд, в лицах прохожих на мокрых улицах, бродя всю ночь, слушая музыку, сама не понимая, кого я ищу... жду... невозможно утолить жажду по утраченному, которое не помнишь, но четко знаешь, что все не так и не там, не с теми и не с тем...

Вы, мои верные соратники, возлюбленные, я скучаю по вам, по всему тому близкому, невероятно далекому, тому, что не дает остановиться в неистовом сражении с призраками прошлого... искреннем стремлении стать одним из вас... нас... соединить невозможное буйное будущее и дикое прошлое.

То, что пугало его раньше, теперь не замедляет его бег
В погоне за тенью своего божества
Он видит иначе чем мы...
Он зрит формы, круги, точки, меркабы,
Он слышит музыку сфер
Он перестал быть богом,
Я – человеком,
Мы забыли наши имена,
Мы перестали понимать друг друга
Нас это завораживает... притягивает
Мы научились любить друг друга, как истину...

Комната напознала на меня, обкрадывая, обирая до нитки все воспоминания... как много серого... не хочу! Верните меня домой...

– Помоги мне! Помоги! Я хочу помнить!

Мира вбежала и приземлилась рядом со мной. Я стояла на коленях, пытаюсь остаться там, уйти туда вся, но она, взяв меня за руку и немного сжимая, помогала вернуться в еще неполной, но хоть какой-то памяти.

– Смотри на меня, дыши, дыши! – она сжимала точку на перепонке, между большим и указательным пальцами, пытаюсь через точку боли привлечь мое внимание. Я вернулась, оставшись там. Все остальное двигалось сквозь меня: улицы, трамваи, машины. Ярких красок лета больше не было, все силилось прорасти, проявиться, но тщетно. Даже кровь моя стала летучей, все затянуло серой пленкой. Ни говорить, ни думать не хотелось совсем, было страшно, нелепо ощущать себя здесь. Воспоминания смешались в кучу-малу. Прослеживая свою жизнь, я начала замечать присутствие в ней темной тени, закрывающий меня от бедствий. СетТ, как и обещал, вваливался со своей царской наглостью во все мои воплощения. Он был рядом. А где же все остальные? Где БахумМи? Что стало с моими воинами? Постоянно натываясь на препятствия в форме фонарных столбов, сигнализирующих машин, путая реальности, времена, места, я пробиралась домой. Вспомнила про пальцы, пытаюсь сложить, как он учил, и разорвать пространство, со всего маху провалилась в лужу. Расстроенная и злая я покатила домой.

Дома, собрав все нужное, я позвонила Наташе.

– Все, я готова, ты полетишь? Я оплачу билет.

– Я готова, но не понимаю, зачем ты придумала всю эту катавасию? Ладно, сейчас заеду. Мы полетели в Дахаб, Наташа – навстречу своей судьбе, я – прихватив Кастанеду.

глава 8

Дахаб есть Дахаб

Дахаб, милый Дахаб! Только здесь мы другие – призрачные как горы, быстрые как доски под нами, вытянутые как паруса... Мы – магические существа, сотканные из огня и туманна, из нитей света и тьмы... Только тут я понимаю, что все, что меня окружает – тайна, и я часть ее. Всего пару недель назад мы с сестрой проделали тот же путь, но каким же годом обернулись эти дни в нас. Я летела совсем иным человеком, с этого дня я начала просыпаться, прислушиваясь, приглядываясь, пробовать на прочность этот мир или свое восприятие его и мир с радостью, рвением отвечал мне взаимностью.

Когда открылась дверь самолета, горячий, обжигающий ветер, насыщенный пряностью, набитый песком, встретил нас на трапе как близких друзей, обнимая милым, чарующим ароматом свободы! Нашему счастью нет предела, нашей радости нет границ, за исключением той, которую нужно пересечь. В отличие от остальных туристов у нас нет ни бланков от отеля, ни встречающей фирмы, обратных билетов тоже нет. Это сейчас стало проще. Восемь – десять лет назад все обитание вне гостиниц воспринималось настороженно.

Быстро пробравшись к маркам, взяв несколько бланков, выдающихся на ваучер, сославшись на неправильное заполнение и получив их легче, чем обычно, мы упираемся в очередь, но пока вполне сносную. Получив багаж, выплываем на финишную прямую: вот табличка «Дахаб» – нас встречает микроавтобус, усаживаемся на первые места, включаем каждая свою музыку.

И вот она – белая, высвеченная фарами, самая длинная дорога на свете, долгими темными изгибами заставляющая задуматься о прожитых зря моментах, не наполненных вечностью и мудростью. Если она дневная, то переливается красками цветов и оттенков. Горы, каждая не похожа на другую, очаровывает своим цветом в каменистых складках земного покрывала, притягивает одиночеством камней, стоящих как сторонние наблюдатели, не причастные к судьбе проходящих мимо. Восхищаешься изящностью гребней, разношерстных конструкций, отстроенных такой текучей и легкой, заполняющей когда-то пустыню, водой. Синезеленые, красно-коричневые, фиолетовые и голубые. Я посмотрела на спокойствие подруги: неужели только меня так манит, одухотворяет Дахаб?! Как возможно, что мир пульсирует только в моем сознании, заставляя двигаться в такт музыке и следовать за музами... Эти горы – призраки, расчесанные когда-то бушующим потоком вод...

Я помню, как прилетела сюда впервые с серферами, ничего не вынесла отсюда, в своей детской беспечности, кроме силы ветра и легкости серфа. Но когда нас привезла сюда Юля на съемки фильма, он заиграл для меня иными красками: вот он радужный, пыльный город, городок, рыбацкая деревня, зазывающий ищущих разностью построек и нелепостью конструкций... Скучный для туристов, но для нас – середина сердца и основа души. Мы медленно пробираемся по маленьким залитым солнцем, наполненным козами-инопланетянами улицам. Мечеть, поглаживающая пространство душераздирающими молитвами. Железные ржавые ворота Лайт Хауса, или маяка... Маленькие комнатки с синими деревянными дверьми, старая серфовая доска, воткнутая в песок... Авова со своим котелком и неприветливым взглядом... Сияющий и прекрасный Чига с инструментами, с лучезарной улыбкой... Второй этаж – комната таинств Досочника, крыша мира и мир разных «крыш». Для многих эта комната стала маяком, точкой пересечения миров или точкой отсчета новой жизни. Для меня и Тани – это дверь в Дахаб...

Данилка, Женек, Факирыч, Галя вышли встречать... Как же я всех люблю! Я видела их в снах наяву! Они – олицетворение дахабского уюта и тепла... И, Денис! Неотъемлемая часть дахабщины, наша главная достопримечательность. У меня на Дениса странная реакция – вижу его, ударяюсь обо что-то головой и теряю сознание. С Деном мы познакомились на съемках фильма X-трио, меня привела в эту комнату Алена – наш оператор на тот момент. Было очень темно, мы проскользнули, как две тени и кошками вскарабкались на крышу Лайта. Вид ока-

зался удивительным: миллиарды звезд над нами захватывали дух, делали пространство текучим, гибким, наполняя энергией, в тот же миг орошая сознание спокойствием и уверенностью, в абсолютной непредсказуемости завтрашнего дня... Мы оказались над соломенными крышами... собирающими матчасть серферами, кто-то смотрел кино, кто-то кормил котов, курили кальян, пили ром... На горизонте призрачные горы вырисовывались гребнями драконов, приглашая в свою сказочную страну, навстречу духам пустыни... Постояв на крыше и отдышавшись, мы проскальзываем в синюю дверь, где нас встречает Орел с трубкой, нарисованный во всю стену. На одной стене висит полосатый ковер, на другой висит окно. С потолка местами свисают самодельные фенечки и натянутые, как пуховые подушки без начинки, легкие ковры, в общем, все, что может висеть, и все то, что по природе не имеет права висеть – висит. Сие прекрасное изобилие минималистической простоты, подсвечено несколькими разноцветными лампами, вместо кровати в дальнем углу – матрас из тех же ковров, в дополнение завален разными подушками, но все очень аккуратно и чисто. На этом великолепии восседает угловатая темная, длинная, царственная тень – Досочник, укрытый облаком тайн, таинств, покуривая самокрутку, встречая нас облаками дыма и все понимающей ухмылкой. Длинными, тягучими движениями сухого, не домашнего кота он предлагает нам сесть, разделить с ним пространство своего разума. Мне нравится, как он двигается, в нем нет того, что люди набирают, живя в городах, он лишен суетливости, озабоченности, он здесь и сейчас, некая сытая удовлетворенность всем происходящим. Мы еще много раз уедем... много раз вернемся, но он, как олицетворение дахабского настроения, кошачести или котянутости – останется большим, гибким черным котом, который гуляет сам по себе. Я не помню ничего... и возможно, это был сон на троих, сон чистый и светлый, без пошлости, подлости, без страстей и иллюзий, без клятв верности... обещаний быть все время рядом... Сон – слон, тихо летящий на крыльях мудрой легкости и изящного интеллекта, Таниной мудрости, моей силы и твоего ума, Денис. Прекрасный творческий клубок сияющих силой юности и разных структур человеческой личности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.